
Анна и Петр
Владимирски

КАПКАН

НА ЛЕМОНИ

Анна и Петр Владимирские Капкан на демона

предоставлено правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8285817

Ганна і Петро ВЛАДИМИРСЬКІ «Капкан на демона» (російською мовою): Книжковий Клуб «Клуб

Сімейного Дозвілля»; Харків; 2013

ISBN 978-966-14-5881-8, 978-966-14-5885-6

Аннотация

Преступник словно бросает вызов обществу и тем, кто должен его защищать. Он наряжает тела своих жертв в кукольные костюмы и оставляет в людных местах. Психотерапевт Вера Лученко соглашается помочь следствию, ведь она, как никто другой, знает все о психологии преступлений. Но злодей не дает ей никаких зацепок, и Вера вынуждена обратиться за помощью к своему старому другу и наставнику. Она еще не знает, что стала пешкой...

Содержание

Предисловие	4
1	6
2	16
3	20
4	31
5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Анна и Петр Владимирские

Капкан на демона

Предисловие

Живой кукольный мир

Что общего у куклы и манекена? Каким становится мир, в котором кукла главенствует? Каким становится человек, вознесший куклу на пьедестал? Почему все чаще милые игрушки превращаются в героев ужасиков?

Наверное, еще вчера Вере и в голову подобные вопросы не пришли бы – дочка давным-давно выросла, да и мир вокруг полон куда более серьезных проблем, которые, увы, гораздо чаще, чем хочется, смущают покой любого человека. Быть может, Вера даже усмехнулась бы таким странным вопросам, если бы их задал ей кто-то из знакомых.

Усмехнулась бы вчера. До того, как странное происшествие в художественной галерее превратилось в убийство.

Так уж везет психотерапевту Вере Лученко, что именно ей задают вопросы, на которые никто другой ответа дать не может. Причем вопросы о вещах чаще неприятных, чтобы не сказать честно – отвратительных. Вторая сторона этого же везения – встреча с людьми тоже более чем странными и зачастую еще более неприятными, чем вопросы, которые они задают.

Но это все можно терпеть, если бы не странный ее дар – предчувствовать беду, смерть, кровь. Не просто предчувствовать, но ощущать ее как свою собственную. Свою до озноба и головокружения, мигреней и дрожи в руках. Ох, как же Вере иногда хочется избавиться от всего этого, стать обычной женщиной, жить заурядными заботами и радостями!

Ведь можно же просто пойти в кафе или с подругой на выставку, в толпе зевак порадоваться буйной фантазии художника, превратившего куклу в подлинное произведение искусства... Должно быть, можно любой другой женщине, но не Вере! Ее удел – пытаться понять, почему именно эта кукла вдохновила убийцу и как уберечь мир от следующего преступления.

Чем больше Вера погружается в очередное расследование, тем сильнее ощущает, что преступник избирает своей целью людей, знакомых с ней. А это ощущение приводит к пониманию, что охота идет или на нее саму, или на кого-то из людей, невероятно к ней близких. К счастью, психотерапевт Лученко не только книжная героиня, она настоящая живая женщина. И потому иногда поступает не так, как велит логика, а так, как поступила бы любая другая на ее месте. Вера делает шаг в сторону и якобы отстраняется от дела.

И тут происходит очередное чудо: со стороны картина кажется совсем иной. Ответ на неразрешимую, на первый взгляд, задачу буквально лежит на поверхности. И теперь осталась самая малость – убедить врага в том, что тебе все происходящее совершенно неинтересно. Что оно тебя не пугает, даже не задевает, попросту не существует.

Именно так зачастую делают многие из наших прекрасных современниц – повинувшись своей логике, пусть женской, но выручающей там, где пасуют здравый смысл и серьезный взгляд на мир. И именно так любой из нас удастся перехитрить судьбу, а Вере Лученко – переиграть преступника, выведя его на чистую воду.

Любая книга о Вере – настоящий учебник. Но учит он не тому, как совершать или распутывать преступления, а тому, как вести себя в разных житейских ситуациях: идти по стопам героев или поступать с точностью до наоборот, прислушаться к Вере или сделать так, как она бы ни за что не сделала. И в этом самая большая ценность новой книги – перед

нами целый сборник советов о том, как «не наступить на новые грабли», как перехитрить судьбу или хотя бы ненадолго отсрочить ее негодование.

Ведь именно такой истории нам зачастую очень не хватает – не совета как поступить, а рассказа о том, как поступать не следует. Вера Лученко здесь – уже давно настоящий гуру: «Учитесь на чужих ошибках, пусть хоть иногда!»

Все обстоятельства, персонажи и названия вымышлены. Любое совпадение имени, отчества и фамилии, обстоятельств и описаний, названия фирмы и прочих названий с реально существующими следует признать случайным.

1

Убийства, трупы и массовый психоз

Женщина вошла в вагон метро и сразу почуяла неладное. В воздухе, кроме обычного транспортного недовольства, когда люди вынужденно терпят тесноту, неудобство и долгое ожидание, была разлита тревога. Причем тревога наэлектризованная, когда так и ждешь вспышки от любого пустяка. Она прислушалась к своим ощущениям, присмотрелась к людям – и на следующей станции перешла в другой вагон.

Однако и в соседнем вагоне она не нашла покоя. Люди возбужденно о чем-то разговаривали, сквозь шум поезда донеслось слово «трупы». Женщина прислушалась.

– Трупы так и валяются, просто ужас! – горячилась женщина с двумя сумками и тремя пакетами. Чтобы подчеркнуть ужас, она старательно округлила глаза.

– Да ладно вам.

– А я говорю – мертвецы!

– Вы еще скажите – мертвые с косами стоят, – хмыкнул пожилой, аккуратно подстриженный мужчина.

– Это не шутки, я сам читал, – поднял глаза от своего смартфона высокий молодой человек. – В Интернете...

– Ха! Нашел, где новости читать! Там одно вранье, мусор и порнография.

– Ничего подобного! Это в телевизоре вашем вранье, а в газетах порнография! – гневно воскликнул молодой человек.

– Да кого убили-то? – спросил сидящий неподалеку мужчина в спортивном костюме. До этого он мирно дремал, теперь проснулся, разбуженный переполохом. – Где, когда?

Тут наперебой заговорили все:

– Уличного клоуна зарезали!

– Не зарезали, и вовсе не клоуна. Убили несколько человек, а потом нацепили на них одежду из бутика!..

– А я говорю, убили автомобилем, на остановке...

– Тогда при чем тут маньяк?

– А кто тут говорил про маньяка? Не маньяк, а обычный олигарх.

– Я говорил! – подпрыгивая от возбуждения, воскликнул маленький бледный человек, абсолютный блондин. Казалось, он светился. – Маньяк в городе! И никто об этом не сообщает, так что будьте осторожны!

– Насчет осторожности – это точно, – вступила в дебаты молодая женщина. До этого она сидела с двумя телефонами в руках и что-то сосредоточенно переписывала с одного на другой. – А в Интернете действительно много чего писали про зверское убийство человека, одного или двух, не помню точно. Нарядили его, уже убитого, в какой-то костюм и выставили на всеобщее обозрение...

– Да вы что? – испугалась нависшая над ней женщина, крашенная в ослепительно-рыжий. – Убили и нарядили?

– Я же говорила! – торжествующе воскликнула женщина с сумками. – Ужас, как есть ужас!

Женщина, которая перешла из другого вагона, шагнула было к двери, но остановилась. Наверняка и там то же самое. Возможно, кто-то другой не стал бы так остро реагировать на людскую взволнованность: ну подумаешь, люди взбудоражены, приближается вечерний час пик, все устали, возбуждены и недовольны. Но только не психотерапевт Вера Лученко. У нее, как у животных, чующих грозу, землетрясения и прочие природные катаклизмы, было

обостренное чувство опасности, откуда бы та ни исходила. Сейчас она ощущала не опасность, а лишь дискомфорт. Эмоции пассажиров, бьющие через край, она воспринимала как горячий ток воздуха – так бывает, когда стоишь у костра и кожу лица обдаёт легким жаром.

«Что-то случилось в городе, видимо, – подумала она. – А вообще досадно... Не хватало мне в метро отделения психотерапии! Отработала с утра свою смену, а тут она продолжается».

Разговоры о трупах, смертях и маньяках не прекращались. Рассказчики входили в азарт и начинали спорить.

– Вот вы ругаете Интернет, а только из него мы узнаем, что случилось. Власти не хотят говорить правду!

– Какую еще правду?

– Что в городе появился серийный убийца, маньяк! Они хотели скрыть, чтобы не сеять панику! Они всегда все скрывают!

Пассажиры возбуждались все сильнее, перекрикивая грохот вагонов в туннеле.

– Так все-таки кого убили? Если и так, то пусть милиция этим занимается...

– Маньяк – это психопат какой-нибудь! – вскричал интеллигентного вида старичок.

Остальные на некоторое время оторопели от категоричности формулировки, а старичок, воспользовавшись паузой, энергично продолжил:

– Мы все превращаемся в монстров! Вы только оглянитесь, посмотрите вокруг!..

Люди завертели головами. Кругом действительно были малоприятные физиономии. Ненадолго наступило молчание, пассажиры будто набирались сил. Поезд остановился, кто-то вышел на станции, кто-то вошел.

– Еще пишут, – сказала женщина с двумя телефонами, – что перед убийством человек был отравлен. Не знаю, правда или нет...

– Мама дорогая... – со страхом сказал кто-то.

– То есть ясно, что это не просто убийство, – резюмировала женщина.

– Само собой, – кивнул высокий парень. – Можно еще понять, когда убивают из ревности, страха или просто когда крыша поехала. А тут – заранее подготовленное, мерзкое, садистское убийство. Прямо как в кино.

«Хуже, чем в кино, потому что в жизни», – невольно подумала Вера.

– Поймать ублюдка и растерзать! – взвизгнул кто-то.

– Милиция поймает, как же, дожدهшься от нее...

– Детективов вы начитались, граждане, – веско произнес некий серьезный мужчина с портфелем. – И давайте не будем верить на слово Интернету, да и другим средствам массовой информации. Это же их работа – кошмары штамповать. Как наши парламентарии законы, с той же примерно скоростью.

«Так. Уже и до законов добрались», – вздохнула Вера Лученко. Ей очень хотелось сказать попутчикам, что любое преступление, особенно убийство – это ужасно, но то, что устроили тут они, мирные граждане, – кошмар ничуть не меньший. Прокричав «Ату его!», человек сам становится монстром. Вообще, складывается впечатление, что люди пребывают под воздействием массового психоза, а в транспорт специально заходят, чтобы всласть повить и поплеваться. Сейчас они взбудоражены, по всей вероятности, каким-то преступлением и заражают друг друга беспокойством. Цепная реакция... Однако хорошо, что ей уже пора выходить...

После метро Вере Лученко предстояла поездка на трамвае. В загородный район Пушчу-Водицу, где с недавних пор они с Андреем поселились, можно было доехать и на автобусе, причем быстрее. Но она часто садилась в дребезжащий трамвай на Подоле, который напоминал ей детство. К тому же за полчаса можно много всякого передумать, а это занятие Вера любила.

Вот наконец и дом. Вдоволь наобнимавшись с любимым мужчиной и любимой собакой, Вера сразу спросила:

– Андрюша, ты не знаешь, что за паника в городе? Я сейчас в метро ехала, как будто в приемной психиатрической клиники. Что случилось?

– Ну да, – усмехнулся Двинятин, – ты же Интернет не читаешь.

– Я телевизор смотрю.

– А по телевизору об этом ни звука не было.

– Так где же было, в Интернете твоём?

– Да. На «Фейсбуке», в «ЖЖ», в «Твиттере» и прочих блогах. Какое-то невероятное убийство.

– Странно, что об этом не сообщают... Рассказывай. Хотя нет, вначале ужинать.

Андрей включил чайник, открыл холодильник, вытащил кастрюлю. Ужин сегодня состоял из куриных крыльев в особом соусе и печеной картошки.

– Я могу рассказывать параллельно, – заметил он, открывая дверцу микроволновой печи.

Пай, белый спаниель, улегся у Веры под ногами, но внимательно следил за руками Андрея: вдруг какой-нибудь кусочек упадет.

– Ну говори тогда, не томи, – сказала хозяйка, опустив руку и поглаживая Пая по гладкому выпуклому лбу.

– Учти, я пересказываю в основном со слов своей ленты в «Фейсбуке». Так что за точность не ручаюсь. Но ведь факт, что этот случай пытаются замаять.

– Ты давай, рассказывай, а потом уж выводы вместе сделаем.

В общем, в Киев на очередные гастроли приехал «Cirque du Soleil» – то есть «Цирк Солнца». Горожане, естественно, повалили валом, как обычно на гастроли этого знаменитого цирка с его знаменитыми представлениями. Впечатления начинались уже в фойе: там стояли куклы цирковых персонажей в полный рост. Люди напропалую с ними фотографировались, даже не зная толком, действительно ли это куклы или искусно загримированные артисты-аниматоры. Есть такой жанр, его еще называют «люди-скульптуры». Они неподвижно стоят в разных, порой довольно причудливых образах в городских парках, на главных улицах и площадях в праздники, развлекают народ и собирают деньги за свою работу. Когда представление окончилось и все ушли, сотрудница цирка начала убирать в фойе, протирать пол. Уборщица отодвигала куклы, переставляла их с места на место, дошла до клоуна... А он взял и рухнул на пол! Когда женщина попыталась его оттащить, сразу поняла, что это труп, завизжала, позвала охранников. Набежали люди из охраны Дворца спорта и охранники цирка, вызвали руководство цирка, те позвонили в милицию...

– И что? – спросила Вера.

– А те сделали такой вывод: дескать, поскольку публики в цирке уже не было, то это маньяк-убийца, психопат и все такое, дело ясное. Только строго потребовали никому не говорить, не распространять панические слухи, а иначе привлекут к ответственности.

– И ты все это узнал в «Фейсбуке»? – недоверчиво спросила Вера.

– А что тебя удивляет? – в свою очередь удивился и Андрей. – Кажется, дочь этой уборщицы написала, ее сообщение подхватили, и понеслось. Так что информация из первых рук, так сказать, свидетеля преступления.

– Но это же та самая паника! Люди действительно в шоке, я только что ехала в метро, ты уж мне поверь!

Андрей нахмурился.

– Лучше знать правду, чем вообще ничего не знать. Нам очень часто врут, но есть, к счастью, Интернет... Его тоже надо фильтровать, однако, по крайней мере, можно делать собственные выводы на основе множества сообщений. А люди, они такие – всегда пугаются.

Вере Лученко и все рассказанное, и реакция Андрея очень не понравились. Ей казалось, что шокирующие новости надо подавать бережно, а не раздувать из них черт знает что. Но она промолчала. Это было ей несвойственно, однако в последнее время она делилась с Андреем не всеми своими мыслями. Как говорить о сокровенном с человеком, пусть самым близким, но неспособным тебя полностью понять? Хотя она и сама себя понимала не всегда. Странный и трудный период наступил в жизни Веры...

Это началось осенью. Коллега по клинике, физиотерапевт Марина, как-то раз дождалась Веру после окончания приема и робко сказала:

– Верочка Лексевна, надо поговорить...

Они зашли к Марине, так как собственный кабинет психотерапевта уже утомил. Дело оказалось в следующем: у Влады, младшей сестры Марины, пропал близкий человек. Жених. Вот исчез – и все, и концов не найдешь. Девочка, естественно, сунулась в милицию, куда же еще? А ее на смех поднимают – сбежал, мол, от невесты парнишка, известное дело. Влада теперь в депрессии, все глаза выплакала...

– Так в чем дело? Приводи ее ко мне, справимся с депрессией.

Марина смутилась, и Вера сразу поняла, что она не того хочет. Эх...

– Найди его, а? Верочка, мы же все знаем, что ты можешь... Пожалуйста!

Вот она, так называемая «слава». Все ее коллеги были в разной степени наслышаны о необычных способностях Лученко. Некоторым она в свое время помогала выпутаться из каких-то жизненных передряг, лечила их самих и членов их семей. А как иначе, свои ведь люди. Конечно, они слышали что-нибудь краем уха о тех историях, которые обрушивались на Веру время от времени: то она помогает найти сбежавшего из тюрьмы убийцу, то к ней обращается девушка, у которой десять лет назад умер в тюрьме отец, и Лученко выясняет, что он был невиновен... Но ведь она сама их не искала, эти истории, она просто помогала людям в конкретных ситуациях! Как же не помочь, если знаешь, что можешь?

– Он мог просто передумать, – сказала Вера.

– Нет, что ты! Там такая любовь – огонь прямо! Не мог он просто взять и уйти, с ним что-то случилось. Ну хоть скажи, жив он или нет, ты же умеешь...

Вера всегда считала, что если тебе дано – то используй свои способности, иначе их могут отобрать или они ослабнут. И она почти никогда не отказывалась...

– Так ты что, Марина, и фото принесла? – Вера покачала головой. – Ладно, давай, попробую.

Женщина торопливо достала из кармана халата фотографию, Вера взяла ее, положила перед собой, посмотрела внимательно. Молодой человек, вихрастый такой, немного смешной – на пуделя похож. Она закрыла глаза, прислушалась к себе.

– Ну? Что? – Марина привстала от нетерпения.

Лученко молчала. Как сказать то, что словами не выразить? Не для всех чувств придуманы слова, к сожалению. Но сказать что-то надо.

– Знаешь, Марина, не всякого человека нужно искать... Нет, ты не перебивай, ты послушай. Иногда кажется: непременно надо найти, но в итоге ничего хорошего из этого не выходит.

– Боже мой, он что, погиб?!

– Нет, он жив, успокойся.

– Значит, с ним ничего не случилось? Тогда обязательно надо его найти!

– Ты меня вообще слушаешь?

– Верочка, пожалуйста! Влада будет счастлива.

– А что, если им обоим станет от встречи только хуже?

Марина хлопала своими ресницами, в изумлении глядя на Лученко.

– Не может быть! Они же так любят друг друга. Его что, похитили? Удерживают силой, да? Давай скорее его найдем!

Вера прикрыла глаза. Бесполезно. Не слышит и не понимает ничего. А отказать коллеге нельзя.

– Это будет непросто, – сказала она. – Мне нужно время.

На самом деле такой поиск не просто труден, а чудовищно труден. Однажды Вера вот так, практически по «запаху мысли», нашла похищенного бандитами мальчика, сына коллеги из другой клиники, но тогда это потребовало огромного напряжения всех сил. Она ведь не волшебница, не может показать зрелищный фокус, совершить чудо щелчком пальцев. У человека всего пять чувств, хотя, конечно, на самом деле больше, только они так забиты и заглушены, что добраться до них порой невозможно. А когда доберешься, они тебе отомстят.

Нужно забыть себя, на время стать тем человеком, которого хочешь найти. Сознание сопротивляется... Нужно больше информации. Вера потребовала, кроме фотографии Максима, жениха Влады, принести какие-то его вещи.

– Вот все, что осталось, – извиняющимся тоном произнесла Марина, кладя перед Верой пакет. – Там спортивные журналы и бейсболка...

– Действительно мало, – покачала головой Вера. – Мне нужно поговорить о Максиме с твоей сестрой.

Но толку от Влады было маловато. Необщительная, печальная и бледная, она вся ушла в свое горе. Про любимого ничего интересного рассказать не смогла. Ну, такой, прикольный парнишка, классно катается на доске...

– На какой доске? – удивилась Вера.

– На скейтборде...

– Есть у него в городе любимые места? Друзья? Куда он предпочитал ездить в путешествия? Что читал, смотрел? – продолжала допытываться Лученко.

Влада почти ни на один вопрос не ответила. Пожимала плечами, сидя на диванчике в Верином кабинете, и только время от времени почесывала продетое в ноздрю колечко – видимо, недавно сделанный пирсинг. Вся она была какая-то неоформленная, недопроявленная, несозревшая. Оживилась только один раз.

– Вера Алексеевна, а вы правда сумеете найти Макса?

– Попробую.

– Пожалуйста, найдите! Я жить без него не могу.

Вера вздохнула. Сколько она таких перевидала у себя, которые «не могут жить без», – из них армию можно сформировать. В итоге часто оказывалось, что прекрасно могут жить без кого угодно.

– А как вы это делаете? Вы экстрасенс? Такой, как по телевизору, в этих битвах?

– Нет, у меня развитая интуиция.

– И все? – разочарованно протянула девушка. – У всех есть интуиция... Как вы находите, что делаете?

«Может, это ее отвлечет», – подумала Вера и принялась объяснять:

– В одной книге мне попалось описание китайских банкирских домов девятнадцатого века. Это сейчас, чтобы взять кредит, нужен десяток справок, а тогда дело решал гадалыщик на палочках.

Влада словно проснулась, слушала с интересом о том, как гадалыщик бросал палочки веером, смотрел на получившийся узор и по нему определял характер и благонадежность клиента. Конечно, это было только внешним эффектом, на самом деле «гадалыщик» – опытный психолог и физиономист с сильной интуицией. Он смотрел на человека и отождествлял себя с ним, вживался в него настолько, что практически становился им. «Я – это он, он – это

я. Вот с такими глазами, губами, веками – что я чувствую? С таким носом, щеками – о чем думаю? Как двигаюсь, как смотрю, как говорю... Говорю ли правду? Жулик я или нет?»

– То есть он входил в состояние, похожее на транс, и почти никогда не ошибался в характеристике человека, – сказала Вера.

Девушка смотрела на нее зачарованно.

– Вы тоже входите в транс?

– Обязательно. Поэтому мне и нужно узнать про Максима побольше.

Она все-таки расшевелила Владу, расспросила, узнала минимум из необходимого, начала смутно что-то ощущать. Как и в тот раз, у Веры разболелась голова.

– Я уже говорила твоей сестре и тебе скажу, Влада. Ты можешь пожалеть о том, что нашла своего парня. Если человек уходит и не подает о себе вестей, то это значит: он не хочет быть найденным.

– Вера Алексеевна! Как это не хочет?! Он так любит меня, что ни минуты без меня не может! Вы уже знаете, где он? Куда нужно ехать? Ну пожалуйста, не молчите!.. Что с вами?

Лученко положила руки на стол, а на них уронила голову. Тяжело. Она пожалела, что согласилась помочь коллеге. Лучше бы Марина на нее обиделась, чем влезать в неприятное...

Сквозь пульсирующую боль в висках и глазных яблоках проступали картинки.

– Такие деревянные прутьи... – бормотала Вера. – Нет, бамбуковые, а по ним вьется виноградная лоза.

– Что вы говорите?!

– Целые густые заросли винограда, и посередине в них как будто дырка – окно с веранды в сад... В саду ничего нет, один желтый подсолнух, окруженный пожухлыми лопухами... Яркий среди тусклого... Я на него сейчас смотрю... – Вера выдохнула. – Влада, тебе это о чем-то говорит?

Девушка долго смотрела на Веру, моргая, потом сказала с удивлением:

– У подружки Таньки заросшая веранда... Она на Совских прудах живет, в частном домике. И, кажется, подсолнух есть точно. А что?

– Поезжай туда.

– Ой, поедemте вместе, пожа-а-алуйста! А зачем? Макс там?

Ну что ж, взялась за дело – доводи до конца. Пришлось Вере ехать на вызванном такси вместе с девчонкой, хотя предстоящее не вызывало у нее энтузиазма. Но она смирилась, заставила себя расслабиться перед неприятной неизбежностью – как, например, в кресле у стоматолога.

Они подъехали, подошли к калитке. Из-за забора послышался грозный лай, потом окрик: «Пальма, пошла вон!» Вышла девушка, удивленно посмотрела на Владу и ужасно смутилась.

– Ты?!

– Тань, мы к тебе. – Влада смотрела на нее с подозрением, но старалась быть приветливой. Она и не верила докторше, и не могла не заметить растерянности подружки. – Впустишь?

Девушка молчала. Отворилась дверь домика, и к ним подошел встрепанный юноша. Влада смотрела на него, открыв рот. Тогда девушка, вздохнув, сказала ему:

– Я же говорила тебе: лучше во всем признайся, спокойнее будет.

Максим смотрел себе под ноги и ничего не отвечал. У Веры уже раскалывалась голова, ломило не только виски, но и затылок. Что она здесь делает?

– Владочка, прости нас, – тихо сказала Татьяна, видя, что от Максима слов не дожидаться. – Мы полюбили друг друга, так получилось, а тебя не хотели расстраивать...

Влада завизжала:

– Выыыыыыы!!! Гады, твари мерзкие!!!

Лученко подошла к таксисту, уселась на заднее сиденье и сказала:

– Пожалуйста, поехали скорее отсюда.

Два дня ей пришлось проваляться дома с головной болью, ознобом, дрожью в руках и полной утратой сил. Взяла больничный. Звонила Марина, кричала в трубку что-то – Вера не слушала, отключалась. Бесполезно говорить, когда тебя не слышат. Да, есть такие люди: вместо того чтобы выслушать честные, хотя и неприятные объяснения, они прячутся от всех и сами от себя. Таким оказался этот женишок. Напоминать коллеге о том, что она предупреждала? Это как-то недостойно...

Влада впала в еще большую депрессию, а Марина перестала с Верой разговаривать.

– Получается, что вместо благодарности я получила от коллеги упреки за то, что жених оказался последней сволочью, – поделилась она с Андреем.

– Милая, – ласково ответил он, – чего же ты от них хотела? Это всего лишь живые люди...

– Я тоже живой человек! Мне надоело.

– Что именно?

– Быть «скорой помощью» для всех и каждого. Расплачиваться здоровьем за применение своих способностей. Такое ведь не в первый раз! Осенью, помнишь, с соседкой... Теперь не здороваются...

– погоди, – перебил ее Двинятин. – Ты о своих предчувствиях? О вот этом самом «слуховидении», о чтении людей «с лица»? Ты хочешь сказать, что теперь не будешь...

– Да! Хочу сказать. От моей помощи становится только хуже! Смотри, я вроде сделала благое дело – нашла исчезнувшего человека. И что? Я умножила добро в этом мире? Наоборот, навлекла на себя недовольство, гнев, разочарование – то есть спровоцировала негативные эмоции.

Андрей отрицательно покачал головой.

– Твоей задачей вовсе не было умножение добра...

– Ты меня не слышишь? Пойми, я не об этом. Зачем вообще кому-то помогать? Для чего использовать свои способности? Ведь становится только хуже – и людям, и мне. Может, лучше, чтобы они, эти способности, сами атрофировались без применения? Ты же должен радоваться! Я не стану больше влезать в криминальные расследования, тебе не придется меня спасать, бояться за мою жизнь! Ну? Почему ты сидишь с кислой физиономией?

– Потому что не верю.

Она почувствовала волну раздражения. Не веришь, и не надо. Влез бы в мою шкуру, сразу бы поверил...

* * *

Природа в этом году сошла с ума: зима стояла теплая, а весной начались морозы, повалил снег. Шел он, точно дождь: непрерывным потоком, пеленой, так, словно закутывал каждого прохожего в белый саван. Ненадолго прекращаясь, снег открывал картину в штрихах, графику старого города. Деревья и кусты украсились толстыми шубами, ажурные кружева инея повисли на проводах. Среди белого спокойствия изредка посверкивали алые фонарики снегирей. А меж тем на дворе стоял март, горожане уже истомились по теплу, и эта зимняя сказка совсем не радовала душу – она лишь оттягивала приход долгожданной весны.

«Когда в природе все наоборот, то и люди начинают вести себя странно, иной раз убийственно странно... Может, потому и случилось в городе это дикое, невообразимое убийство?» – думал майор милиции Прудников. Он возвращался от начальства хмурый, злой и подавленный и уже готов был принять за рабочую версию любую чушь. Вот и состоялось еще одно совещание, «экстренное» и совершенно бесполезное. Одни слова! Указания, пре-

дупреждения, крики об ответственности – то есть видимость полезной деятельности. Первоначальные действия, отработка малейших зацепок пока ни к чему не привели. Возможно, потому, что убивал скорее всего маньяк, серийный убийца, – а с такими всегда непонятно, как быть и с чего начинать. Только абсолютно ненормальный, извращенец какой-то может человека лишить жизни, а потом переодеть, загримировать – так, чтобы труп выглядел как кукла. Как все эти современные «Dolls», у которых имеются этикетки со специальной графой, куда предполагаемый владелец куклы может вписать имя. Так делают изготовители кукол в разных странах...

Непостижимо, как такое могло прийти в голову, пусть даже затуманенную безумием. Человека убили, чтобы превратить его в куклу, навесить ярлык и выставить на всеобщее обозрение. Убийца намеренно оставил это «произведение» безумного цинизма в популярном общественном месте. Он просто-напросто издевался над теми, кто должен был охранять этот город.

Прудников вошел в кабинет с перекошенным лицом. На него сочувственно глянул капитан Ревенко.

– Что, Валя, влетело?

– Не то слово, Гриня, – вздохнул Прудников. – Ну что там эта уборщица, пришла? Дала показания?

– Ага. Но толку от нее никакого. Истеричка.

– Гриня, будь человеком, – строго сказал майор. – Не каждый день видишь трупы, да еще такие.

Гриша Ревенко пожал плечами. Ему было все равно. Тем более дело – стопроцентный висяк, сколько начальство ни бейся, закрыть не удастся. Это вам не бытовая кража, не разбой или бытовое убийство. Всегда есть хоть какие-то свидетели, мотивы. А тут...

Закончилось представление «Цирка Солнца». В зале – ни одного свободного места. Киевляне пришли получить новые впечатления, и их умело «впечатляли». А потом, когда отгремели заключительные аплодисменты и публика вышла из Дворца спорта, в фойе второго этажа обнаружили труп.

Выехавшая на происшествие группа попала в странную ситуацию. Их не пускали дальше фойе. Заместитель директора цирка внушительно объяснил:

– Сценическая площадка «Цирка Солнца» – это арена, вывернутая наизнанку. Зрители находятся ниже основной сцены. Артисты падают или спускаются сверху, появляются из запутанной системы лабиринтов и люков. Исполнив свою роль, незаметно растворяются в искусственном тумане или среди многочисленных декораций. Все это – огромное количество техники, специально устроенные механизмы для трюков! Мы не можем пускать посторонних и открывать свои секреты!

– На вашей территории произошло убийство! – пытался возражать капитан Ревенко. – И мы имеем право...

Из-за спины администратора вышел человек.

– Я адвокат, – сказал он. – И позвольте вам заметить, что мой клиент прав: у вас нет полномочий на доступ в святая святых...

Спор длился долго и ни к чему не привел. Будь это какая-нибудь обычная контора, менты давно сами вошли бы и всех на уши поставили. Но у цирка имелась своя охранная фирма, серьезные молчаливые ребята. Тут так просто не войдешь.

Тело увезли, дело открыли, начали следственные действия. Тут и поступило негласное указание сверху: никакого разглашения, о происшествии молчать, особенно при журналистах. Валентин Прудников сунулся было в цирк, отрабатывать версии. Самая первая была очевидной: клоуна убил кто-то из своих. Мотивов могло быть сколько угодно. Например, он своей карьерой кому-то перешел дорогу, не давал другим клоунам выступать столько,

сколько им хотелось, а это ведь заработок. Но майора в «Цирк Солнца» не пустили. Опять явился этот адвокат и, мило улыбаясь, выразил готовность ответить на все вопросы. Убитого они не знают, и пусть следствие отрабатывает другие версии.

– Вы точно не можете его опознать? – хмуро допытывался Прудников.

– Нет.

– Не может быть. А мне кажется, он из ваших.

– Зачем мне вас обманывать, господин майор?...

– Вы можете ошибаться. Поспрашивайте у коллектива, а вдруг убитого кто-нибудь вспомнит. В конце концов, мы же должны от чего-то оттолкнуться!

Адвокат был невозмутим и непреклонен.

– В этом коллективе никто и никому не желает неприятностей. Очень трудная работа, знаете ли.

Прудников скрежетал зубами от ярости, но дело не продвигалось. Начальство, с одной стороны, требовало результатов, а с другой – не желало даже слышать, чтобы майор самовольно и грубо потревожил уважаемых людей. А как прикажете расследовать убийство, если не быть грубым?

* * *

– Что с тобой происходит, Верочка?

– Ничего, все нормально.

– Но я же вижу...

– Просто все надоело.

– Ты снова про Марину и ее сестрицу вспоминаешь? – удивился любимый. – Тебе ли не знать, что мы, люди, – существа неблагодарные, особенно по отношению к пророкам. Нам скажешь правду, а мы еще и недовольны, что она такая... неудобная. Мы желаем, чтобы нас ласкали, чесали за ушком...

В этот момент из-под дивана, царапая когтями по полу, выбрался Пай. Он все слышал и сразу согласился, чтобы его приласкали. Андрей, сидя на диване, задумчиво потрепал собачий загривок, и спаниель мгновенно оказался рядом с ним, положил морду в его ладонь и блаженно в нее засопел.

– И потом, как же ты будешь жить, если не станешь заниматься вот этим всем, что ты делала до сих пор? Помощью, спасением утопающих, утешением и тому подобным.

– Спокойно буду жить, – мрачно ответила Вера.

Андрей растерялся. За все время их совместной жизни такого еще не было. Как бы расшевелить любимую женщину? Может, ее приведет в чувство простой прагматический аргумент? Он сказал:

– Послушай, я все понимаю. Но как же мы, твои близкие? Оля, Кирюша, я, в конце концов? Ты не хочешь быть волшебницей, ладно. А если с нами что-нибудь, тьфу-тьфу, случится, как ты тогда нам поможешь? Кто же нам поможет, если не ты? Ты не имеешь права лишаться своего таланта! Иначе мы погибнем, и...

Он замолчал.

– Договаривай, – тихо произнесла Вера. – Ты хотел сказать, что виновата в этом буду я. Ну так вот, для тебя, для дочки и зятя я уж как-нибудь постараюсь. А все остальные пусть дадут мне отдохнуть от их проблем.

Тогда Андрей начал применять другие приемы, с его точки зрения эффективные. Он выждал пару дней, потом бодро сказал:

– Да не парься ты, это жизнь! Не кисни, ведь весна на дворе. Давай съездим куда-то, что ли, на природу. А?

– Не хочу на природу.

Как всякий мужчина, Андрей был упрям и продолжал свои попытки. Однажды вечером он принес Верин любимый «Пражский» торт, заварил чай. Она вяло поковыряла ложечкой кусочек торта, ей в эту минуту не хотелось сладкого.

– Вот допьем, – бодро сказал Андрей, – и давай в кино сходим. Как раз вышла новая комедия. Тебе пора развлечься, я считаю.

– Нет! – резко ответила Вера и тут же понизила голос. – Не хочется, спасибо.

Двинятин обиженно насупился, подергал себя за ус.

– Ну, зайчонок, сколько можно киснуть? Я тебя утешаю, вот, тортика принес, стараюсь для тебя... А ты меня не понимаешь.

Вера изумилась:

– Я?! Это ты меня не понимаешь! В кино зовешь, когда у меня такое настроение... Комедии мне только не хватало! Что с тобой?

Вере и так было не по себе, а от того, что Андрей неуклюже пытался ее своим бодрячеством утешить, становилось еще тоскливее. Он совершенно не понимал, что у нее на душе, и от этого отдалялся все больше... Она прекрасно видела его растерянность, но помогать не собиралась. Вера и сама не знала, как ей быть. Внезапно она почувствовала острый приступ одиночества – такого одиночества, когда вокруг тебя множество людей и общения с ними вполне, казалось бы, достаточно для радости. Но никто ее не понимал полностью, до самого дна, и у нее создавалось впечатление, что она парит где-то в космосе и за тысячи световых лет нет ни одной родной души. И вовсе не потому, что она высшее существо, боже упаси. Просто никто не в состоянии влезть в ее шкуру и понять, каково это – расплачиваться проблемами со здоровьем за свои умения. За предчувствие опасности, «чтение» людей по голосу и лицу. Но главное – за те неприятности, которые сгущаются и скопом приходят, наваливаются на Веру во время очередного ее «расследования», помощи человеку в его жизненной проблеме.

Шло время, непонимание между Верой и Андреем не исчезало, и все чаще она задумывалась о том, что просто хочет быть нормальной женщиной. Не видеть, не слышать, не ощущать лишнего. Избавиться от своего «слуховидения». Она постепенно даже научилась намеренно отключать свою гиперчувствительность, но получалось у нее это далеко не всегда и слабо. Потому что совесть не убережешь, милосердие не отключишь и особенно сочувствие не выключишь – нету такой кнопки...

Андрей не унимался.

– Поехали в музей, – настаивал он. – Искусством лечиться. На выставку сходим, я слышал, привезли какие-то механизмы самого Леонардо да Винчи. Ну давай, возьми себя в руки!

Ей хотелось растерзать его за такие советы. Она даже испугалась: никогда не испытывала таких яростных чувств к любимому человеку. Хотя... Наверное, как раз к нему и естественно их испытывать. Как психолог, она давно была знакома с правилом: если вам хочется кого-то задушить, дать по голове, уничтожить и больше никогда не видеть – значит, скорее всего, перед вами близкий человек. А если любимое существо вас не раздражает год за годом – то, наверное, вы собака...

2

Убийство в торговом центре

В царстве магазинов и бутиков нового торгового центра «Елисеев» все сияло и сверкало. К торжественному открытию приготовили супервитрину для молодоженов и просто влюбленных модников. Оформление впечатляло: атласные сердца, букеты искусственных орхидей всех оттенков красного и сиреневого, гирлянды шаров, коробки конфет, гроздья бижутерии. И открытие, которое состоялось вчера, прошло с пафосом и стечением толп народа.

А сегодня «Елисеев» начал работу в обычном режиме. Посетители погружались в звуки-отражения от высоких стеклянных потолков. Звучал постоянный шум, похожий на прибой: это сливались разговоры, шарканье ног и музыка. Людей было много, свободные от работы киевляне повалили в новый торговый центр, зная по опыту: будут какие-нибудь скидки. Многие пришли специально для того, чтобы поглядеть на оформление той самой витрины с атласными сердцами. Посреди ее сияющего великолепия возвышалась кукла в рост человека. Это была героиня сказки «Золушка»: вся в кружевах и тонкой вышивке, на золотистых волосах устроилась дивная сияющая корона, состоящая из камней «Сваровски». Казалось, она усыпана настоящими бриллиантами. В руке кукла держала хрустальную туфельку, надо полагать – ту самую, забытую на балу, по которой ее непременно отыщет принц. Фарфоровое личико куклы было мастерски расписано: яркий румянец на щеках, огромные карие глаза и длиннющие ресницы, соболиные брови, пухлые губки...

Все это вызывало любопытство, люди с интересом поглядывали на красавицу куклу, толпились у стекла и не спешили проходить дальше. Только продавщица бутика, где царила кукла, на нее не смотрела: слишком уж надоела. Все на нее пялятся, а купить хоть что-нибудь не спешат. Так что девушка сидела без дела и скучала, окруженная пышным великолепием.

Магазинчик напротив торговал ювелирными изделиями из золота и серебра. Там тоже торговля шла не бойко, а была практически на нуле, но продавщица не унывала. Она быстро познакомилась с соседкой.

– Наташа, – зашла она в очередной раз, – присмотри, пожалуйста, за моим хозяйством, я кофе пойду попить в кулинарном отделе.

– Ладно, Света. – Наташа отложила книгу.

– Тебе принести кофе?

– Нет, спасибо. Разве что пару булочек с корицей.

Света бодро убежала, теперь ее не будет минут пятнадцать. Она не спешит со своим кофе и, в общем, правильно делает. Никому не нужны ее золотые цепочки и серебряные кулоны, этого добра на каждом углу полно. Правда, и Наташины товары не пользуются особым спросом, но тут хоть кукла привлекает внимание, и посетители заходят, изредка покупают какую-нибудь мелочь.

Пришла Светлана, принесла булочек.

– На, губи свою талию, – насмешливо сказала она. Взглянула на куклу, вздохнула: – Вот ведь какая красавица! Мне бы такую.

– Зачем? Что с ней делать?

– Ну... Не знаю. Просто очень красивая.

Ближе к обеду Света снова зашла, Наташа подняла голову от книги – она читала детектив в мягкой обложке.

– Что, Свет? Опять кофе?

– Нет, я его уже не могу...

– А чего тебе?

Светлана посмотрела на куклу Золушку и замялась.

– Тебе не кажется, что эта красавица немного покосилась? – спросила она.

Наташа присмотрелась, пожала плечами.

– Вроде нет... Разве что ваза с орхидеями... Да, точно. Это ваза наклонилась по отношению к кукле, и поэтому кажется. Сейчас залезу в витрину, поправлю.

– погоди! – воскликнула Света. – Хотя нет, извини, поправляй, если надо.

Наташа удивилась.

– Что с тобой?

Продавщица ювелирного бутика смутилась.

– Эта кукла на меня странно действует, – призналась она. – Целый день сегодня смотрю на нее, и мне не по себе. Она зловещая какая-то.

– Глупости, – заявила Наташа, откладывая книгу и подходя к витрине. – Обычная кукла, только очень большая. Ты на нее поменьше смотри!

Света стояла и наблюдала, как ее соседка осторожно шагнула в витрину и приблизилась к вазе с орхидеями, стараясь не задеть куклу. Потом Света тихо сказала:

– И вообще, она сегодня немного не такая, как вчера. Может, мне кажется, но выражение лица изменилось.

Наташа в этот момент поправляла вазу с орхидеями. Услышав, что сказала Света, она повернулась к ней, чтобы снова повторить: глупости, дескать, как это может у куклы измениться выражение лица?... И нечаянно задела Золушку. Кукла покачнулась, Наташа придержала ее свободной рукой. Но кукла продолжала наклоняться, почему-то оказавшись тяжелой, как шкаф. Девушка не смогла ее удержать, и красавица Золушка рухнула набок, сминая свои кружева и соседние с ней коробки.

– Черт!..

Обе девушки огляделись вокруг. Поток посетителей не иссякал, и несколько любопытных зевак устали на них с улыбками.

– Хозяин меня убьет, – расстроилась Наташа.

– Давай я тебе помогу! – тут же сказала ее коллега и подошла к витрине.

– Спасибо... Тогда помоги нацепить ей корону, она жутко дорогая, и вместе попытаемся эту дылду поднять.

Света приблизилась к голове Золушки; Наташа все никак не могла сообразить, как же быстренько водрузить куклу обратно, ее сознанию что-то мешало, что-то было неправильно. Но она не успела понять, что именно: у нее над ухом раздался дикий визг.

– А-а-а-а!!!

Кричала Света, тыча пальцем в лицо Золушке и вытаращив от ужаса глаза. Потом девушка замолчала и в обмороке завалилась назад, выпала из витрины... Наташа посмотрела на куклу и похолодела: у нее было человеческое лицо. Смазался при падении грим, на Наташу в упор смотрели полуприкрытые тусклые мертвые глаза.

Тогда Наташа тоже закричала...

Очень быстро собралась толпа. Сквозь нее пробрался администратор, затем он вызвал еще кого-то из своих помощников, те позвонили в «скорую». Девушек вывели из магазина, обследовали «куклу»... Тут-то и выяснился весь ужас! Кукла оказалась не куклой, а загризированным трупом молодой женщины.

– И это чуть ли не в двух шагах от мэрии! – простонал администратор.

– Ага. И на глазах у тысяч посетителей, – буркнул вызванный им человек, видимо заместитель, и достал из кармана телефон. – Скандала не избежать... Я вызываю милицию.

До поздней ночи в «Елисееве» работали милиционеры. Составляли протокол, опрашивали свидетелей. Взялись было за продавщиц, но они были в шоке, особенно Света. Она не могла говорить, только рыдала и икала. Врач «скорой» сделал ей укол, ее увезли в больницу.

Наташа уже в десятый раз повторяла свою историю каким-то въедливым людям.

– Ваза с орхидеями наклонилась... Я подошла поправить, задела куклу... Она упала...

– Но когда-то же ее подменили! – недоумевал милиционер. – Неужели вы не заметили?

Наташа пожала плечами. Она уже ничего не соображала и отвечала на вопросы, как автомат. Ужас до сих пор сковывал ее ледяными лапами. Двадцатилетняя девушка еще никогда не видела мертвецов, да и вообще не сталкивалась со смертью. Где-то смерть была, конечно, но не настоящая, далекая – лишь на экране и еще на страницах детектива. А теперь у нее все внутри переворачивалось, причем в полном смысле слова.

– погоди. – К ним подошел плотно сбитый мужчина. – Отойди на минуту, я сам. Майор Прудников, – представился он. – Я все понимаю, Наташа, вы устали, и я вас скоро отпущу. Но нам нужно узнать об этой трагедии как можно больше, по горячим следам. Скажите, пожалуйста, вы не заметили ничего странного?

Это было стандартное обращение, типичный вопрос.

– Света заметила... – монотонно отвечала девушка. – Ей показалось, что кукла выглядит не так, как вчера...

– А вы?

Наташа уставилась на него невидящим взглядом.

– Что я?

– Вы не заметили?

Она отрицательно покачала головой, от этого тошнота усилилась.

– Простите... Мне надо в туалет...

Продавщица убежала.

– Найдите мне тех, кто смонтировал эту витрину! – распорядился Прудников.

С ним прибыла группа: четыре человека, включая эксперта. Один кивнул и отошел. Тут объявился администратор – он, наверное, услышал вопрос.

– Позвольте, – произнес молодой, но уже лысоватый мужчина, протискиваясь к Прудникову. – Витрину делали питерские дизайнеры, ведь «Елисеев» принадлежит россиянам.

– Кто конкретно ее делал? Кто придумал выставить такую большую куклу?

– Они, – развел руками администратор. – Концепцию разрабатывала российская сторона. Куклу заказали знаменитой немецкой художнице Сильвии Везер еще полгода назад...

– Документы есть? Принесите.

Бумаги подтверждали, что авторское изделие «Золушка» было доставлено в торговый центр за неделю до открытия, после оплаты в девять тысяч долларов. «Ничего себе стоит кукла! – думал майор, продолжая читать документы. – За такие деньги можно небольшой автомобиль купить». Из дальнейших бумаг он узнал, что в киевском филиале «Елисеева» витрину оформляло архитектурное бюро, созданное на базе торгового центра. Кроме архитекторов, которые все прорисовали, начертили и согласовали, работала еще бригада установщиков.

– Расскажите мне подробнее про установщиков, – сказал он.

И выяснил, что все они работали в корпоративных комбинезонах – алых с зеленым – и в таких же кепках. Если сотрудник носил не комбинезон, а футболку, на ее спине красовался желтый вензель «Е». Установщики были одинаковые, как китайцы, их никто не запомнил...

В компанию, которая поставляла установщиков, сотрудники опергруппы дозвонились лишь на следующий день. Там только руками развели: на такие авральные работы всегда нанимались временные люди, «заробитчане». Бригадир, отвечавший за установку витрины, ничего необычного не запомнил. Куклу, как и все остальные предметы, внесли, поставили,

подсветили – все. На вопрос, почему не заперли витрину, ведь на короне «Золушки» драгоценные камни, бригадир удивленно ответил:

– А я при чем? Это вы к торговому центру обращайтесь, они материально ответственные. И потом, наверное, планировалось как-то менять экспозицию...

Личность мертвой девушки, наряженной в кукольные одежды, пока не была установлена. Экспертиза выяснила, что смерть наступила из-за паралича внутренних органов.

Торговый центр простоял закрытым два дня. Владельцы «Елисеева» возмутились и, видимо, обратились к журналистам. Возник некоторый скандал под девизом «Милиция отбирает у киевлян удовольствие от шопинга». СМИ писали и об убийстве, но как-то неубедительно. Тогда городские власти срочно велели «Елисеев» открыть...

И место преступления снова стало местом торговли.

3

Прудников и стриптиз-клуб

После второго убийства стало очевидно: это орудует маньяк. И у него свой почерк – жертв он наряжает в кукольные одежды... В департаменте уголовного розыска срочно создали группу, состоящую из оперативников, следователей и экспертов. Руководить оперативниками назначили майора Прудникова, чему он был вовсе не рад. Однако начальнику виднее, тем более с генералом и не поспоришь.

– Дело может привести к крупному международному скандалу, – хмуро сказал он вызванному майору.

Валентин Прудников смотрел чуть мимо лица начальника, изображая готовность. Но он не понимал, какой такой международный скандал может возникнуть из-за этого дела.

– Вы должны работать круглосуточно! – отрубил генерал. – И маньяка этого задержать. Отвечаешь.

Наверное, на лице майора, а теперь старшего группы, возникло сомнение. И начальник департамента уголовного розыска добавил:

– Я на тебя надеюсь, майор.

Прудников отлично понял, что это значит. Так он ребятам и сказал:

– Кажется, меня скоро уволят. Сделают крайним по делу Кукольника.

Давний сослуживец Прудникова хмыкнул:

– Как ты его назвал? Кукольник? А что, годится.

Валентин вздохнул:

– Спасибо, Гриня, на добром слове, но от этого не легче.

– Ты погоди париться, может, возьмем этого ненормального.

– Как его возьмешь? Чтобы его взять, нужно думать, как он, предвидеть его поступки.

Тут консультант нужен, психиатр, чтобы попытался понять извращенную психику и нам ее нарисовал.

Остальные члены группы молчали.

– Есть у меня один знакомый спец, медик Оксана Коляда, – неторопливо произнес Гриня. – Сама рвется в бой. Подключим?

Прудников пожал плечами.

– Подумаем, – ответил он. – Хотя без психиатра нам вообще ничего не светит. И все-таки давайте – что у нас в наличии?

В наличии было немного. Экспертиза установила, что обеим жертвам, и Клоуну, и Золушке, перед смертью вкалывали препарат, останавливавший все жизненно важные процессы организма, то есть парализатор. Это уже садизм какой-то! И Прудников, и прочие оперативники повидали в своей работе достаточно крови, грязи и мерзостей. Но от информации о парализующем препарате и у них мурашки по коже побежали. Зачем убивать с такой изощренной жестокостью, непонятно.

К тому же еще одна загадка: удалось выяснить, что преступник свои жертвы сперва одевал в кукольный наряд, затем они принимали нужную убийце позу. И уже потом он им вкалывал парализатор в сонную артерию. Но хотя механизм преступления прояснился, было неясно: кто эти жертвы? О пропаже этих людей никто не заявлял. Почему именно их выбрал маньяк-убийца?

И самый неприятный вопрос, который вслух не произносил никто в следственной группе: когда и где найдут новую жертву? То, что найдут, сомнений у правоохранителей не вызывало, как и то, что в СМИ и у начальства начнется новая волна истерики. Но как

добраться до маньяка, как его остановить? На этот вопрос пока ответа не было. Маньяки, они ведь непредсказуемы, как стихия. Он и сам может не понимать, почему поступает так или иначе. Не случайно майор Прудников заметил, что необходим психиатр.

Правда, была у него одна зацепка, о которой он до поры до времени не спешил докладывать начальству. Валентин много раз видел рекламу стриптиз-клуба «Куколки», известного в определенных кругах тем, что некоторые стриптизерши выступали в кукольных нарядах – они имитировали куклу Барби. Ничего, в общем, необычного, глаз привыкает к таким вывескам, о них не думаешь. Но только сейчас майор спохватился: тут есть какая-то связь! Должна быть! Кукольник убивает не просто так, а наряжает жертв куклами, гримирует их под кукол. А тут – пожалуйста, сомнительное заведение с таким же названием и стилем. Это не случайно, вот о чем думал оперативник.

Пока его подчиненные бегали, звонили, навели справки и расспрашивали всех маломальски причастных к делу, Прудников занялся клубом. Вот что он выяснил: туда набирали исключительно бывших танцовщиц или балерин, и уровень их подготовки был намного выше, чем в обычном стрип-клубе. Клуб «Куколки» располагался в самом престижном районе города. Баннеры с его рекламой висели над проезжей частью нескольких центральных улиц. Словом, это была перспективная версия!

Джентльмен-клуб «Куколки», как и все прочие подобные заведения, приглашал мужчин провести яркий и незабываемый вечер среди самых обворожительных танцовщиц. Правда, в отличие от заштатных стрип-клубов, «Куколки» предлагали любителям шоу, помимо Барби – копии известных программ кабаре «Крейзи Хорс» и «Мулен Руж». Это для тех, кто не видел оригинал. Но не станет же водитель фирмы или менеджер продаж чего-либо специально лететь в Париж, дабы увидеть настоящее эротическое представление! Он на слово поверит тому, что именно так раздеваются в столице Франции.

В суровой мужской жизни весьма приятен иногда гламурный интерьер, тихая обстановка... К тому же, кроме стриптиза, было немало других интересных предложений. Подуставший от однообразия семейной жизни мужчина может заказать легкий эротический массаж, танец на коленях или же заказать танец девушек для себя одного. В рамках кулинарно-эротических фантазий гурман может отведать суши, поднесенные не на блюде, а на теле юной или вполне зрелой стриптизерши. Наконец, посетитель может заказать полюбившийся номер шоу-программы или танец под свою любимую музыку, сам станцевать на подиуме у шеста. Короче – «шика-блеска дай!».

Валентин Прудников вспомнил сослуживца, тоже майора милиции, который своей подруге на Восьмое марта подарил поход в стриптиз-клуб. И подумал: какой же он молодец! Насколько это свежо, в отличие от стандартного набора: кино-театр-ресторан-букет-духи-конфеты. Правда, его жене Славке такой подарок вряд ли понравился бы, она воспитана иначе... Жены обычно уверены, что во всех стрип-клубах работают шлюхи с больших транспортных развязок города, готовые для клиента на все за определенную плату.

Своими подозрениями насчет клуба «Куколки» Валентин не спешил поделиться с коллегами. Если он ошибается, этого никто не узнает и подначивать не станут. А если прав – то слава победителя и все, что причитается, достанутся лично ему. Майор давно утратил романтические иллюзии, зато взамен приобрел цинизм и смекалку. Валентин служил в армии во внутренних войсках, а отслужив, пошел в школу милиции. Почему нет? Здоровья и силы много, нахальства достаточно. Ни искусство, ни наука, ни бизнес его не интересовали – там нужен или талант, или большие стартовые деньги. Работая в отделении «на земле», как выражаются менты, то есть не в кабинетах, он сразу увидел: той милиции, какую он себе представлял по фильмам и книгам, нет. Может, никогда и не было и это очередной миф советской идеологической системы? Зато есть организация, обладающая силой и властью.

Логично поэтому, что такая организация оказывает услуги тем, кто готов за них заплатить. Вот и Валентин обычно старался работать с бизнесменами, причем никакого давления: хотите задаром – будет долго, хотите быстро – платите за скорость. Здесь он всегда стремился сделать свою работу так, чтобы одна из сторон конфликта была ему благодарна. Не он первый придумал такую систему, когда классический постулат «Ищи, кому выгодно» превращается в формулу «Сделай так, чтоб выгодно было тебе!».

Часто у него все получалось, реже случались неувязки. Но такие случайности служили бесценным жизненным опытом, и он со временем научился извлекать уроки из своих проколов.

Теперь же ему досталось дело, где выгоды никакой, а в случае неудачи его отстранят. Может, его удачливость встала начальству поперек горла и его нарочно сделали козлом отпущения? Ведь шансы схватить маньяка ничтожны. Но Валентин решил не сдаваться и стал разрабатывать сразу несколько версий, связанных со стриптиз-клубом. Что, если убивает бывший любовник стриптизерши? Либо родственник – например, стыдящийся дочери отец. Вполне возможное дело. А может, отвергнутый клиент?

Упрямый майор продолжал негласное наблюдение за персоналом и клиентами «Куколок». Была у Валентина Викторовича Прудникова привычка не останавливаться на полпути. Он внимательно присматривался и к самому заведению, и к стриптизершам, одетым в костюмы разных театральных персонажей, – он узнал лишь Красную Шапочку и Белоснежку, остальных не мог определить. Вот уже несколько вечеров он смотрел представление, мотая на ус все увиденное: реакцию посетителей, обслуживание технического персонала. Ну и качество исполнения стриптиза, конечно. Как же на такое не посмотреть!

Персонал с мента денег за вход не требовал, ясное дело. Валентин понимал, что своим присутствием нервирует хозяина клуба и тот скоро сам должен выйти на разговор. По опыту он знал, что не следует первым бежать к директору заведения. Зря, что ли, за ним, представителем правоохранительных органов, наблюдают камеры слежения? Пусть себе наблюдают.

Он сидел, смотрел на танцы, с удовольствием разглядывал женские ножки и обнаженные груди и ждал. Хозяин «Куколок», как ему было известно, Филипп Крученых – молодой бизнесмен, ему тридцать семь, хотя выглядит едва на двадцатник. Внешность типичного студента: с вечным рюкзаком за плечами, подъезжает к своему стриптиз-клубу на велосипеде, а не на крутой тачке. Наверное, любит производить ложное впечатление, притворяться не тем, кто он есть. По характеру – авантюрист, если бы мог, то ввязывался бы во все аферы, какими густо наполнена жизнь. Вот и стриптиз-клуб ему достался в результате очередной аферы, когда пришлось продать довольно успешную газету, которая приносила хороший доход, но срочно понадобились деньги – вернуть долг серьезным людям. На сдачу ему отдали хиреющий стриптиз-клуб в центре города.

Все это майор знал из агентурных разработок, из досье и собственных наблюдений. Став владельцем стрип-клуба, Фил взялся за дело с умом. Он начал приглашать певцов и певиц шансона, которые сделали его заведение популярным. А затем, когда появились постоянные посетители, он придумал свою собственную фишку. Крученых, увлекавшийся психологией, решил, что персонажи из детских сказок в исполнении опытных стрип-герл должны действовать на клиентов, как «виагра». Этот ход оказался действительно эффективным, хотя и не новым. «Куколки» теперь приносили вполне ощутимые деньги.

Наконец, Филипп вышел к майору. Надо поговорить, узнать, чего хочет мент, дать понять, что ничего противозаконного в его «Куколках» не происходит. Для начала они выпили. Потом еще раз. Валентин молчал, понимая, что хозяин нервничает. А когда почувствовал, что клиент созрел, сказал:

– Фил, вот объясни мне, битому менту. Неужели нельзя было приподняться на чем-то более приличном, чем голые бабы?

– Давайте без проповедей, о'кей? Что такое стриптиз? Это театральное выступление, гимнастический танец...

– Ты еще скажи – балет.

– А что? Это искусство. Красота человеческого тела! Не вижу в этом ничего такого. Кто-то любит смотреть на дорогие иномарки, кто-то – на картины в музее, а кто-то – на обнаженных артисток в клубе. Вот вы, я заметил, тоже ими любуетесь.

– Ага! А в перерывах артистки твои бегают в туалет, «носик припудрить»! – произнес Валентин, понимая, что и в «Куколках», как в любом другом ночном клубе, без кокса не обходится.

– Майор! – подскочил Крученых. – В моем заведении нет наркотиков! Мы все за этим строго следим!

По его реакции было понятно, что удар попал в болевую точку. Наркотики есть, были и будут. Но Прудников не затем сюда пришел, его головная боль – серийные убийства. Вот что ему нужно от этого Филипка. Однако надо его еще подразнить, подогреть.

– Голые артисты – это же пошлость, и не нужно прикрываться высоким искусством.

– В древности танцы в обнаженном виде, – начал читать лекцию хозяин, – и наблюдение за ними были неотъемлемой частью многих высокодуховных ритуалов. Так люди лучше и полнее переживали единение с богами и силами природы. Поэтому созерцание стриптиза не наносит вреда психике, а оказывает помощь в ее освобождении и развитии. Вот так. Разве можно назвать искусство пошлостью?

«Это вы, ментяры, все опошляете», – было написано на моложавом лице Крученых.

– Только не надо мне петь о высоком! Либо мы говорим по делу, либо я приглашаю тебя в отдел по расследованию убийств. Там не та атмосфера, чтоб говорить о голых девках как о высоком искусстве.

– По какому такому делу? У меня с вами пока никаких дел нет.

– Я тебе сейчас объясню, по какому.

И Прудников не спеша, с подробностями рассказал Филиппу об убийствах. Слушая рассказ, тот мрачнел.

– Мы тут ни при чем. У нас искусство, а не...

– Так, тему искусства закрыли, отвечаем на мои вопросы. Мне нужен список постоянных клиентов, особенно тех, кто реально слюни пускает.

Хозяин пожал плечами.

– Мы никаких списков не составляем, зачем они нам?

– То есть не дашь?

– Я могу дать только то, что у меня есть. Хорошей выпивки, например. Хотите еще?

Прудников встал.

– Я еще приду, – многозначительно бросил он.

И направился к выходу.

* * *

На самом деле Прудников мог еще дожимать Крученых, но почувствовал, что сильно проголодался, и направился в первое попавшееся кафе. Оно находилось на расстоянии взгляда от «Куколок» и называлось «Бабушкино варенье». Майор разместился за угловым столиком, на кожаном диване, у окна, где стояли вазоны с орхидеями. Цветы были очень красивы. «Почти как стриптизерши, только иначе», – подумал он.

Улица просматривалась с этого места вдаль, открывая широкое пространство, стекающее к вокзалу. По улице шла молодая женщина в легкой норковой шубке палевого оттенка и коричневых замшевых сапожках на каблучке. Голову прекрасной незнакомки украшала

небольшая шляпка цвета кофе с молоком, и, если бы ее увидел знаменитый модельер Джорджио Армани, он бы непременно сказал: «Быть идеальной – это не значит бросаться в глаза. Быть идеальной – значит врезаться в память».

Майор Прудников вздрогнул, потом поднялся и встал у двери кафе так, чтобы незнакомка его заметила. Не узнать его она не могла.

– Какие люди! – улыбнулась женщина. – Здравствуйте, Валентин.

– Здравствуйте, Вера Алексеевна. Приглашаю вас на чашечку кофе. Зайдете?

– Чтобы я отказалась от кофе? Да ни за что!

Они уселись за столик.

– Это чертовски здорово, что я вас встретил, – признался Прудников, невольно улыбаясь до ушей.

– Спасибо на добром слове. Вижу, вы рады.

– Ох, Вера Алексеевна! Мне вас сам Бог послал! – радостно сказал майор.

– Я не поняла, вы чертовски мне рады или меня вам Бог послал? Вы как-то определились. – Уголки ее губ иронично приподнялись, а в глазах прыгали веселые искорки.

Прудников заказал ей кофе, а сам тем временем вспоминал. Вера Алексеевна Лученко, два образования: психиатр (мединститут) и клинический психолог (университет). С детства мечтала стать врачом, им и стала. Харизматична, умна, образованна. Работает психотерапевтом. Майор вспомнил когда-то прочитанное: «Психотерапевт – всего лишь проводник в лабиринтах душ. Может показать место, где зарыт клад. Правда, добывать его придется самим. У некоторых получается...» Слегка банально, но правда всегда банальна. Что там дальше про Лученко? Ее любимый вопрос: «Почему?» Больше всего на свете любит разгадывать сложные жизненные шарады, расшифровывать судьбы и поступки людей, в чем преуспела. Часто для лучшего понимания своих пациентов придумывает разные методики. Например, она придумала методику для развития творческих возможностей личности, которая оказалась не менее эффективной и в лечении душевных заболеваний. Автор нового направления в арт-психотерапии...

– Вера Алексеевна! Расскажите, как ваша работа? Что сейчас у вас в психотерапии происходит новенького? – спросил Прудников.

– Издалека начинаете, – усмехнулась Вера. – И вот что, дорогой капитан...

– Уже майор.

– Да? Как хорошо, что вы уже майор! Тогда тем более. Давайте перейдем на «ты», раз уж вы все равно майор.

Она откровенно смеялась.

– Согласен, переходим на «ты», – кивнул Валентин.

Они чокнулись кофейными чашками.

– А целоваться не будем, – сказала Вера. – Так вот, Валя, наши с тобой профессии похожи. И новенького в них ничего нет, новенькое всегда одно и то же: человек, его душа. Но есть и разница. Психотерапевт не рассматривает человека как преступника или жертву. Наши пациенты порой бывают в одном лице и теми и другими. И психиатр – он ведь не прокурор и не судья, он лечит, а не наказывает.

– Но ведь психиатр может быть следователем, – подхватил Прудников. – Ты согласна, что он чаще всего выступает в роли следователя? Стараясь разобраться в самом человеке и в обстоятельствах его жизни. И вы тоже ведь имеете дело с ложью.

– Верно... Доктор Хаус из сериала говорит: все люди лгут.

– И это абсолютный факт. – Валентин кивнул. – Поэтому у нас очень схожие профессии. Нам в стоге лжи или заблуждений нужно найти одну крохотную иголку реального факта. А уж тогда можно в чем-то разобраться. Но если стог состоит не из сена, где спряталась игла? Если перед тобой стог, сплошь состоящий из игл, бесконечное количество фак-

тов? И дело совсем не движается, как тогда быть? – Валентин вдруг опомнился и протянул Вере меню. – Как невежливо с моей стороны. Пригласил даму в кафе и морю ее голодом! Разве можно ограничиться одной чашкой кофе?

– Значит, нужен тот, кто может из отдельно стоящих фактов вывести стройную систему мотиваций... О! Оливье с норвежским лососем, хочу.

– Ты по-прежнему любишь рыбу, – улыбнулся Валентин. – А помнишь, как мы с тобой работали по убийствам в рыбном холдинге?

– Как же, помню.

Подошел официант. Вера сказала ему:

– Оливье с норвежским лососем и еще крем-суп из картофеля с пряными сухариками. А потом еще кофе.

– Кофе эспрессо и самый вкусный десерт. – Прудников решил продемонстрировать свою профессиональную память.

Официант предложил:

– Яблочный пирог с заварным кремом, домашнее овсяное печенье, сырники с изюмом и сметаной, тосты с нашим вареньем...

– Овсяное печенье ненавижу, – отказалась Лученко, – мне его бывшая свекровь постоянно навязывала. А что есть из классики?

– «Наполеон» с карамельным соусом, – отрапортовал официант.

– Несите, но только после супа и одновременно с кофе! – Майор снова проявил свое умение запоминать вещи, касающиеся Лученко. – И еще я помню, – он обаятельно улыбнулся собеседнице, – разговоры о делах только после еды, в крайнем случае, под кофе!

Вера улыбнулась. Был чудесный солнечный день, погода нашептывала весну, и встреча с Прудниковым не была случайной, как она поняла. Все не случайно в этом мире...

За едой говорили о пустяках. Валентин пытался блистать остроумием и всячески развлекать свою гостью.

– Представляешь, Вера, я недавно видел в Интернете такое объявление, чуть с ума не сошел от смеха. Цитирую:

«Творческий конкурс ко Дню влюбленных от кинотеатра “Кинозрелище”! Напишите рассказ, новеллу, эссе о своем самом безумном поступке. Три лучших рассказа выберет профессиональное жюри. Награждение победителей состоится на сеансе в 19–00. Призы победителям творческого конкурса – приглашительные на двоих на спектакль “Монологи вагины”»!

– Специфический у тебя юмор, – поморщилась Вера.

– Клянусь годовой милицейской зарплатой! Оказывается, есть такой спектакль. Но, видать, основная публика его уже посмотрела, а теперь нужно гнать вторую волну зрителей. Чего только пиарщики не придумают.

– Н-да...

Кофе был подан одновременно с «наполеоном», карамельный соус источал тончайший аромат, и по Вериному кивку Прудников приступил к рассказу о деле Кукольника, которым он занимался в последнее время. Он не только подробно изложил всю событийную часть дела, но в порыве откровенности поделился своей – пока единственной – версией о стрип-клубе «Куколки».

Лученко слушала, не перебивая, не задавая никаких уточняющих вопросов. Наступила пауза, во время которой Вера задумчиво теребила льняную салфетку, а Валентин Викторович молча ждал, что скажет его собеседница. Он с тоской посмотрел на аквариум, стоящий у

противоположной стены кафе, и подумал: «Если б здесь жила золотая рыбка, я б загадал одно желание: только бы Лученко согласилась помочь мне!»

– Не золотую рыбку нужно просить об исполнении желаний, а меня, – усмехнулась Вера, представляя себе его реакцию.

– Черт поberi! Я и забыл, с кем имею дело! Ты же мысли читаешь, – воскликнул майор, стукнув себя кулаком по коленке.

«Я просто наблюдательная. Быть физиономистом тоже входит в джентльменский набор психотерапевта», – подумала Лученко.

Но сказала совсем другое:

– С некоторых пор я не занимаюсь помощью в распутывании преступлений.

– Почему?

– Надоело... Нет, не так. Просто никакой пользы это никому не приносит.

Валентин вскинулся.

– Как так не приносит? Помочь задержать преступника – это абсолютно реальная польза. И вообще, я тебя приглашаю официально, как эксперта по маньяку. Никакой самодеятельности.

– Да? Я подумаю. Твоя визитка у меня где-то была. Номер не поменялся? Значит, позвоню и скажу, что решила.

* * *

Дома Прудников, не в силах ничем заняться, молча сидел перед телевизором, но не включал. Его жена, миловидная молодая женщина Слава, спросила:

– Неприятности?

– Нет... Все в порядке. Встретился с нашей старой знакомой, Лученко.

– Верой Алексеевной? – радостно откликнулась жена.

– Да.

– И что?

– Надеюсь, она мне посодействует в одном деле.

– Хорошо бы. Помнишь то рыбное дело? Ведь она тогда не только милиции помогла, но и в нашей с тобой личной жизни...

– В личной жизни мы все решили сами, – заупрямился Валентин.

Ему неприятно было вспоминать, что кто-то посторонний смог повлиять на его жизнь. Чтобы разрядить неловкую паузу, он сказал:

– Я бы от супчика не отказался! Сделаешь?

Слава вышла на кухню. Пока чистила и нарезала овощи, вспоминала, как познакомилась с доктором Верой. Лученко тогда пришла в парикмахерскую – постричься. Присела к Славе в кресло, и девушка постаралась как следует. У нее был талант – она почувствовала, как следует обработать прическу этой женщины. В итоге получилось симпатичное создание, чьи свободные разноцветные пряди, от коньячного до темно-вишневого тона, разметались по темечку. А на самой макушке торчал кокетливый темно-каштановый хохолок. На первый взгляд ей было не больше двадцати пяти. На лбу, над бровями и вокруг лица волосы были совсем огненные, а вокруг высокой шеи закручивались кольцами длинные, отливающие здоровым шоколадным блеском локоны.

– Что вы со мной сделали? – изумилась Вера Алексеевна Лученко, бывший солидный медицинский работник, а ныне – юная гурия.

– Не нравится? – расстроилась Слава, окинув свое произведение критическим взглядом.

– Как же такое может не нравиться... Сколько мне лет?

– Вам? – Девушка задумалась на секунду. – Не больше двадцати шести, может, двадцать семь. А что?

– Господи! Никто не скажет, что такое возможно без пластической хирургии, – все еще не веря своему превращению, проговорила Вера. – Предупреждать надо!

У мастерицы зазвонил мобильный, она нажала кнопку громкой связи и положила телефон на столик, чтобы освободить руки.

– Слава, это я, – прозвучал мужской голос.

– Валик, ты? Наконец-то, – сказала Слава, продолжая еще что-то подправлять в Вериной прическе. – Я уж думала, ты никогда не освободишься!

– Ну ладно, прости.

– Нет, не прощу, если ты сегодня же не поведешь меня в какое-нибудь уютное местечко!

– Пошли в китайский ресторан.

– В китайский не хочу, там все плавает в непонятном соусе. Ты что, хочешь, чтоб я стала жирной коровой?

– Тогда во французский давай. Согласна?

– Один момент...

Девушка задумалась, рассматривая Верину прическу и заботливо выкладывая отдельные пряди. Наконец она сочла произведение законченным и закрепила его лаком. Сняла с клиентки нейлоновую накидку и сказала:

– В общем, так, Прудников! Я согласна на уютный французский ресторан со свечами. Смена у меня заканчивается в восемь вечера. Встречай меня у выхода из салона не позднее десяти минут девятого. Пока. Вы довольны? – обратилась она к своей клиентке, закончив разговор.

– Полностью, – поднявшись из глубин кресла и с удовольствием рассматривая новую себя, ответила Вера.

Ей захотелось как-то отблагодарить девушку помимо оплаты и чаевых. Она посмотрела на ее руки и сказала:

– Слава! Если хотите, я вам кое-что расскажу по рукам.

– Вы гадалка?

– Разве я похожа на цыганку?

– Экстрасенс? – не унималась мастерица.

– Я доктор, психотерапевт. И мне хочется вас отблагодарить по-своему.

– Так это ж страшно интересно. Я готова! Какую руку вам давать? Правую, левую?

– Обе. Что ж, начнем. – Вера чуть склонила голову набок, будто прислушиваясь. – Вы переученная левша, но одинаково хорошо владеете обеими руками. Вы – амбидекстер. Это редкое качество. Леонардо да Винчи был амбидекстером. Еще вам нравятся мужчины мужественных профессий: кадровые военные, или работающие в милиции, или во всяких таких органах, типа безопасности. Моряки отпадают, вы не любите оставаться подолгу одна...

– Боже мой! Все правильно, но откуда?! Это что, по рукам видно?

– Видно. Ваша мама сердечница. Поэтому вам нужно уже сейчас задуматься о предрасположенности к сердечно-сосудистым заболеваниям, поменьше курить, скорректировать питание. Обязательно много плавать. Вы ведь любите воду?

– Обожаю!

– Вот и хорошо. Скоро начнется пляжный сезон, плавайте в Днепре или озерах. Для вас это очень важно. И вот что. Не нужно ругать себя за то, что из вас не получилась скрипачка. Не всем же становится Спиваковыми. Вы в своем деле – как он в музыке.

– Мапочки мои! – села на стул Слава. – Да что ж это за чудо такое?! Признайтесь, вы откуда-то знаете нас, нашу семью, да?

– Нет. Вашей семьи я не знаю, и никаких фокусов тут нет.

– Но так не бывает. Вот я смотрю на свои руки, но не вижу ничего необычного. Руки как руки, а пальцы как пальцы. Как же вы можете вот так, первый раз в жизни, просто глядя на мои руки, все про меня знать?

– Если я пушусь в длинные научные объяснения, вы, Слава, тем более ничего не поймете.

– А еще? – попросила Слава.

– А я уже почти все сказала. На закуску: вам не нужно бояться артрита, этой болезни суставов, от которой люди вашей профессии часто страдают. Но после того, как вам стукнет тридцать пять, покажитесь эндокринологу. Так, на всякий случай. Все.

– Как все? А про личную жизнь? – Как всех девушек, вопросы здоровья Славу интересовали намного меньше, чем личная жизнь.

– Ну вот. Все-таки хотите, чтоб я поработала гадалкой... Хорошо. Учитывая ваш цирюльный талант, скажу. У вас сейчас какой-то серьезный роман. Это уже не руки мне сказали, а ваш телефонный разговор. Ваш друг оттягивает вопрос с женитьбой, чтоб лучше стоять на ногах, заработать денег, получить очередное звание. Он сейчас кто?

– Капитан, – с замиранием сердца ответила Слава.

– Значит, хочет стать майором. Не мешайте ему. Не торопите, не показывайте, как вам сильно хочется за него замуж. Если сдержитесь и перестанете без конца его дергать, он сделает вам предложение сам, причем в ближайшее время. Спасибо за прическу!

– Как вас зовут? – Славе не хотелось терять удивительную докторшу.

– Меня зовут Вера Алексеевна. Вот, возьмите мою карточку. Я очень рада нашему знакомству, вы чудный мастер.

– Вы тоже мастер. Еще какой! – прошептала парикмахерша вслед уходящей клиентке.

Вскоре все произошло именно так, как предрекала Вера. Капитан Прудников встревожился: что это его Славочка перестала напоминать о женитьбе? Предположение, что он в одночасье может потерять свою Славочку, выбивало почву из-под ног. Глупость какая! Капитану не в чем было себя упрекнуть. Ну, почти не в чем. Он был щедр, водил Славу по ресторанам, покупать старался недешевые подарки, всегда с интересом слушал ее щебетанье про парикмахерские дела. Практически не изменял. Так, по случаю... Но она никогда не смогла бы догадаться – значит, не считается. Ну и кому ты нужен, Прудников, если Слава тебя бросит? Где ты еще такую отыщешь?

Спрашивается, почему ты так долго тянул с женитьбой? Тебе почти тридцатник. У тебя есть небольшая однокомнатная квартирка, иномарка. Живешь не на милицейскую копеечную зарплату, а на то, что удастся заработать, разруливая разные бизнесовые ситуации. Значит, Славку и прокормишь, и оденешь. Тогда чего же ты ждешь, кретин? Чтобы она выскочила за любого случайного хмыря, который сделает ей предложение раньше тебя?! Ей уже двадцать четыре, для женщины это критический возраст. Боится, что пересидит в девках. И детей хочет. У Славы были абсолютно патриархальные взгляды на замужество. И ей казалось, что подружки, которые выходили замуж в тридцать, а рожали в тридцать пять, поступали неправильно.

Фирменная голубая рубашка прилипла к спине. Прудников нервничал. Дооттягивал женитьбу, кретин! Капитан набрал знакомый номер и услышал в трубке нежный девичий голосок: «Алло!»

– Это я, – мрачно сообщил Прудников.

– Валюша! Привет! А я как раз думала: что-то мой любимый не звонит? Какая у нас сегодня программа? – радостно защебетала девушка.

– Программа тебе понравится. – У Валентина отлегло от сердца. Похоже, его поезд еще не ушел. – Ты после работы... это... давай домой. Я тоже приеду.

– Чего я дома не видела? – закапризничали в трубке.

– Слава! Я сказал «домой» – значит, домой. Без разговоров! – нарочито приказным тоном объявил жених.

– Что случилось, Валик?

– Ничего особенного. Буду делать предложение. Тебе. Просить у родителей твою руку и сердце.

– Ой, как ты меня напугал! – облегченно вздохнула Слава.

– А что, я такой страшный? – внутренне холодея, спросил влюбленный капитан. – Или ты передумала за меня выходить?

– Не дождетесь! – захихикала Слава. И добавила что-то совершенно непонятное: – Спасибо, Вера Алексевна, все в точности как вы говорили.

– Ты о чем, Славка? – удивился Прудников.

– Да так, ни о чем.

Вот как получилось, что Лученко помогла созданию семьи Прудниковых. Но ее глава не хотел этого признавать. И все же сейчас он, сидя в комнате, тоже невольно предался воспоминаниям. Их знакомство с Лученко обычным никак нельзя было назвать. Они встретились несколько лет назад, когда Валентин занимался убийствами в одном холдинге, а Вера проводила в коллективе тренинги. Она оказалась намного моложе, чем он себе представлял. Вся такая стильная, приятно пахнущая, модно подстриженная (Славка все-таки молодец!), одета очень элегантно, что-то серебристо-серое и туфельки на шпильке, сумка и шарфик вишневые. Н-да! Не простая вы девушка, доктор Вера Алексеевна. Что ж мне с вами делать?

– Напрасно вы, Валентин Викторович, ломаете себе голову! Ничего со мной делать не нужно, – сказала Лученко.

– Читаете мысли? – Капитан криво осклабился. – Скажите лучше, почему вы выбрали именно это «тихое» местечко для нашей встречи, бар «У Густава». Тут же всегда полно народу!

– Потому что разговор у нас будет серьезный, и мне не хотелось бы, чтобы кто-нибудь нас подслушивал. А здесь стоит такой рев... Даже при большом желании ничего не услышишь, если не сидеть рядом. Поэтому садитесь сюда. – Она похлопала ладонью по стулу рядом с собой.

Валентин пересел.

– Я по вашим глазам вижу: не верите, что какой-то доктор с помощью каких-то способностей может вычислить преступников. Я так и предполагала.

Прудников неопределенно пожал плечами. Пусть сама выкручивается.

– И для упрощения нашей с вами задачи, – продолжила его собеседница, – я попросила вас принести карточки. Вы уже наверняка догадались: дескать, докторша неспроста велела привезти фотки бандитов. Небось, собирается демонстрировать свои фокусы. Так вот, пусть ее задачка будет посложнее, решили вы... Доставайте. Я сейчас вам кое-что покажу, и вам станет намного проще со мной.

Он действительно так и думал, слово в слово. Начинаются фокусы? Кровь прилила к щекам Прудникова, он покашлял и достал семь приготовленных фотографий, разложил их перед психотерапевтом. Из этих семи две он взял в отделе кадров.

– Эти двое – ваши коллеги по работе, – сказала Вера, сразу отложив фотографии сотрудников милиции. Глядя на окаменевшее лицо Прудникова, она улыбнулась уголками рта. На ее щеках появились симпатичные ямочки. – А остальные... – Она смотрела на каждый снимок не дольше пяти секунд. – Вот и вот – убийцы. Этот и эта – воры. А этого уже нет на свете, он умер. Правильно?

На фото были двое убийц, два вора и один преступник, убитый при задержании. Прудников уставился на докторшу. В его глазах было удивление ребенка, сидящего в цирке на

представлении Кио. Только что в клетку к тигру вошла девушка – и тут же она спускается из-под купола на арену.

– Как вы это делаете? – Ничего более умного он не смог спросить.

– Дорогой Валентин Викторович!

– Можно просто Валентин.

– В таком случае зовите меня просто Вера. Боюсь, не смогу объяснить, как я это делаю. Почему – тоже не сумею. Ответ вам от меня будет один: чувствую. Лучше всего вам не искать сейчас ответов на такие вопросы. Как, почему, зачем, откуда, разве так бывает? Забудем о детском любопытстве. Гораздо важнее – что с этим делать. И как нам с вами использовать мою интуицию.

– Так это называется «интуиция»...

– Все-таки обязательно требуется как-то обозвать непонятное!.. Да, интуиция. То есть безотчетная работа подсознания, являющаяся сознанию в виде готового результата. Проще говоря, способность предугадывать события и людей. Ну что, полегчало?

Валентин рассмеялся.

– Ага. Ничего себе интуиция! Да с такой интуицией вам... вы... Вас не приглашали работать в органы?

– А я и так в органах работаю. В очень внутреннем органе. Душа называется...

Следующим вечером Валентин снова зашел в клуб «Куколки», дразнить хозяина. Уж чего-чего, а упрямства у него хватит. Но и слишком долго ждать, пока Крученых дозреет до сотрудничества, неохота. Как его перехитрить? Хм... А что, если не хитрить?

– Филипп, на меня давит начальство. Я должен раскрыть это дело, и мне нужен список твоих постоянных клиентов. Чтобы их исключить или, наоборот, взять на заметку.

– Но они уважаемые люди...

– Да плевать я хотел на твоих уважаемых! Короче, так. Не дашь список – завтра же жди гостей из отдела по борьбе с наркотиками.

– Зачем же вы так? Это грубо, – огорчился хозяин.

– С тобой иначе нельзя.

– Анатолий! Занеси мне распечатку списка клиентов категории А, – распорядился по громкой связи Крученых.

– Что это за категория такая? – сощурил глаза опер.

– Наиболее активные наши посетители. Те, кто ходит регулярно, в определенные дни. Смотрит конкретных девушек.

– То есть фанаты этого дела! – хмыкнул Прудников.

– Между прочим, к вашему сведению, в две тысячи пятом году суд города Осло признал стриптиз разновидностью искусства не хуже оперы или балета. И уравнил стрип-клубы с театрами в правах на налоговые льготы.

– Опять старая песня...

– Да! Вы же уверены, что это пошло. А еще в начале двадцатого века знаменитая Айседора Дункан, гражданская жена Сергея Есенина, часто танцевала полуобнаженной, с открытой грудью и в прозрачной юбке!

– Хорошо, это прекрасное, гениальное искусство, только списки дай.

В этот момент принесли распечатанный список. Клиентов оказалось сорок семь. Прудников тяжело вздохнул.

– Ох! Нелегкая эта работа – из болота тащить бегемота! – съязвил Крученых.

4

Волна отравлений

Так хочется спать, так сладко нежиться под одеялом, когда не надо рано утром вставать на работу... И Вера Лученко спала бы до бесконечности, но сквозь сон слышала шорох, и этот звук тонкими струнами потихоньку вытаскивал ее из глубин дремы. Ну конечно, это любимый собирается на работу. Значит, можно уснуть?...

Она повернулась на бок и уткнулась носом в подушку. Но уснуть уже не получалось. Теперь она слышала жужжание, Андрей брился в ванной. И главное, в воздухе витала едва заметная волна его тревоги. Ни за что на свете, никто и никогда эту волну не учуял бы, но Вера – сверхчувствительный локатор, она ловит малейшие оттенки человеческих эмоций. Может, потому и стала психотерапевтом...

Еще Пай такой же чувствительный, особенно к запахам. Андрей уже, как обычно, вывел его, покормил, и спаниель свернулся калачиком в своем кресле. Вот только сейчас поднял голову и внимательно посмотрел на хозяйку своими восточными глазами цвета крепкого черного чая: почуял, что она не спит.

Бесшумно ступая, Андрей вошел в комнату. Пай спрыгнул с кресла и начал ластиться к нему.

– Тихо, – шепнул мужчина, – мамочку разбудишь...

– Он знает, что мамочка не спит, – сонно пробормотала Вера из-под одеяла.

— Мы тебя разбудили? Прости, я сейчас уйду, и ты выспишься.

– Ну почему? – прохныкала она.

– Что почему? – удивился Андрей, застывая с засунутой в джинсовую рубашку одной рукой.

– Почему утро наступает именно тогда, когда я сплю?!

Андрей улыбнулся, пес запрыгал вокруг него и тут же подскочил к мамочке. Пришлось Вере сесть, чтобы Пай не затоптал ее своими тяжелыми спаниельскими лапами.

– Конечеченно, тебе хорошо. – Она продолжала хныкать. – Сядешь сейчас в свою машинку, вжик – и ты уже на работе. А мне потом трястись в автобусах, давиться в метро...

Они уже несколько месяцев жили в своем домике в Пуще-Водице. До Киева совсем недалеко, и все же не город, а пригородный поселок, нужно какое-то время потратить, чтобы добраться. В дни, когда Вера работала в первую смену, Андрей Двинятин доставлял ее на своем «пежо» прямо к поликлинике. Но иногда у нее случались и вторые смены, и тогда приходилось ехать в город одной, на автобусе до метро, потом на троллейбусе... А любимому всегда с утра на работу – в свою ветеринарную клинику.

– Сколько раз я тебе говорил, что нужно нам в придачу к своему дому завести еще одну машину. Научишься водить, и...

– Я? Водить машину?! – Вера в ужасе накрылась одеялом, потом все же высунула нос. – Ты же знаешь о моих взаимоотношениях с техникой! Она и я – две вещи несовместные, как гений и злодейство.

Пай ухитрился лизнуть Веру в нос, она рассмеялась и потребовала, раз уж ее так жестоко разбудили, немедленно подать завтрак. На завтрак сегодня был чай, творожок и гренки. И очень маленький кусок шоколадного торта. К завтраку, так и быть, она надела халат, обула тапочки и села на диван к журнальному столику. Из окна в комнату запрыгивали лучи утреннего солнца и весело отражались от чайной ложки.

– Но за годы нашей совместной жизни ты освоила и мобильник, и компьютер, – заметил уже полностью собранный Андрей. – Ты теперь современная женщина. Уверен, что водить машину тебе понравится, это только кажется страшно, а на самом деле...

Вера вздохнула и сказала:

– А на самом деле я сразу перепутаю педали или поверну не в ту сторону.

Они помолчали. Она со вкусом допивала чай, он мысленно уже был в пути.

– Ладно, давай уже, – произнесла женщина. – Рассказывай про свои проблемы.

– Какие такие проблемы? – удивленно вскинулся Двинятин.

– Рабочие, конечно, какие еще. Связанные с отравлениями.

Он остолбенел. Все-таки трудно привыкнуть, что твоя женщина – волшебница. Что от нее ничего не скроешь, даже если ты и не таишься, а просто забыл рассказать. Что она может догадаться о твоём настроении не по лицу, а по спине... Но он все-таки задал свой обычный глупый вопрос:

– Откуда ты знаешь?

– Элементарно, Ватсон. – Ей было смешно. – В последние несколько дней ты приезжал с работы немного позже. Это, как говорит мой любимый литературный персонаж Фандорин, раз. Потом, твоя задумчивость, затуманенные глаза – это два. И наконец, твои книги по ветеринарии лежали на столе, открытые на страницах с описаниями ядов и противоядий. К тому же в Яндексe ты искал слова «Антидотная терапия у собак».

– Ты права, – вздохнул Андрей.

Вера тоже сделалась серьезной.

– Неужели все так плохо, милый? Не понимаю, зачем травить породистых хозяйских псов, это уже из ряда вон...

– Но как ты об этом догадалась? – снова изумился он.

Она пожала плечами.

– Вот этого сама не знаю, не могу объяснить. Наверное, при обычных отравлениях, когда отраву разбрасывают по велению городского начальства наши brave коммунальные службы, ты так не переживаешь. Как ни страшно это звучит, мы привыкли. К тому же тогда гибнут только бродячие псы, ведь своим домашним любимцам хозяева запрещают поднимать с земли всякую гадость... Ты хочешь, наверное, чтобы я помогла тебе разобраться?

– Я не хотел тебя беспокоить, – смутился Двинятин. – У тебя и так своей работы полно, и люди к тебе постоянно обращаются с проблемами...

Он действительно был серьезно озабочен. В последнее время в районе, где находилась его ветеринарная клиника, участились случаи отравления собак. Эта вспышка отравлений не была вызвана весенним обострением жестокости коммунальщиков: никаких объедков, по словам хозяев, собаки с земли не подбирали, но вскоре после прогулки у некоторых из них начинались судороги, паралич, рвота. Ветеринарная медицина оказывалась бессильна. Кто-то целенаправленно травил невинных животных, доставалось и бездомным, и домашним. Несчастные владельцы прибегали в клинику со своими питомцами или вызывали ветеринаров на дом, как правило, когда уже было поздно: яд успевал слишком глубоко проникнуть в организм питомца. Да и что за яд, было пока неясно.

Вера произнесла:

– Ну да, ты не хотел беспокоить. Но решил, что если я помогаю распутывать разные криминальные истории и вытаскиваю всяких бедолаг из трудных ситуаций, то уж с твоей проблемой справлюсь играючи. Как фокусник, выну тебе из шляпы кролика, то есть отравителя, и поднесу на блюдечке.

Он промолчал, но было видно, что именно такие у него имелись соображения.

Вере ужасно не хотелось снова становиться спасительницей, палочкой-выручалочкой. Но это ведь собаки... Тут никакие соображения типа «надоело», «сколько можно» не работают. Собаки – это любимые существа, особенно, конечно, Пай.

– Хорошо! Едем к тебе на работу. По пути расскажешь подробности.

История, которую рассказывал Андрей, к радости не располагала. Отрава настигала самых породистых собак на его участке, самых любимых его пациентов. На горе хозяев было больно смотреть. После пятого случая Двинятин пришел в ярость и решил сам найти отравителя во что бы то ни стало. Он потратил несколько вечеров, обходя дома в микрорайоне и следя, не станет ли кто-то что-то разбрасывать, вообще стараясь примечать странное поведение братьев по разуму. Но ничего не заметил. Узнав об этом, коллега Андрея, ветеринар из другой клиники, сказал: «Старик, это не наше дело, наша работа – лечить, а предотвращать действия ненормальных – дело милиции». Но ветеринар Двинятин был слеплен из другого теста, он не мог сидеть сложа руки и наблюдать, как гибнут домашние любимцы, которые никому не в состоянии причинить никакого зла. Это несправедливо!

– Ты хочешь, чтобы я походила с тобой?

– Ага. У тебя светлая голова, ты поймешь то, что до меня никак не доходит. А что не поймешь – почувствуешь.

– Я согласна, – задумчиво сказала Вера. – Но только потому, что это дело благородное. У меня тоже волосы на голове встают дыбом от твоих рассказов. А на самом деле мне не очень хочется вступать в новые расследования.

– Почему?

Вера промолчала, отвернувшись, глядя в окно. В приоткрытое стекло влетал ветер и шевелил ее каштановые локоны. Как ему объяснить, что все ее расследования чаще всего вылезают ей боком? Не бывает бесплатных пирожных. И она расплачивается за свою суперчувствительность головными болями, головокружениями, нервозностью, состояниями тоски, когда выть хочется. Словом, расплачивается своим здоровьем. И она, Вера Лученко, уже не рада, что ей от природы достались такие способности. Может, лучше без них? Но все же она постарается Андрею помочь...

Потому что корень этой проблемы вовсе не в отравлениях беззащитных четвероногих существ, а в больной психике отравителя. Она это чувствовала как профессионал, как дипломированный психиатр. Неизвестный злодей, кем бы он ни был, перешел границу от здоровой психики к больной, а это опасно и для животных, и для людей. Да и вообще, у них спаниель Пай, младшенький любимец в их семье, что, если бы с ним это случилось?... Даже представить себе страшно! Нужно остановить негодяя.

И в этот день, и в несколько следующих Вера с Андреем вдвоем ходили по микрорайону, устраивали мозговые штурмы, обсуждали и строили догадки. Все бесполезно. Однако от очередного случая отравления пострадал молодой дог.

– Он ничего не берет без разрешения! – сокрушался хозяин, здоровенный мужик, на чьем лице слезы выглядели и нелепо, и страшно. – К тому же я слышал об отравлениях и стал надевать Лорду намордник. Не съедает он никакой отравы! Может, это болезнь?

Двинятин тоже был раздавлен горем. Он не смог спасти Лорда. Никакие antidotes не помогали.

– Я понимаю, как вам сейчас тяжело, – мягко сказала Лученко. – И все же, пожалуйста, расскажите, как вы с ним гуляли. Мы послушаем и попытаемся понять, что же случилось.

Сбиваясь и запинаясь, осиротевший мужчина рассказал. Он уже давно ушел, а Вера все сидела в задумчивости.

– Андрей, послушай. Мне кажется, я поняла, но вначале ответь.

– Что?

– Можно ли отравить собачьи метки? Ну, ты понял, о чем я. Они ведь помечают территорию, так?

Ветеринар замер.

– Постой-постой... Я же совсем недавно читал о чем-то таком, почему это мне не пришло в голову?! Точно! Ведь собака не может не обнюхать отметину и не оставить свою! А после приходят другие обитатели микрорайона, «читают» оставленное «объявление»... И никакого отравленного мяса не надо! Некоторые псы в экстазе даже вылизывают метки, оставленные сучками.

– То есть твой ответ «да»?

– Да! Насыпал какой-то гадости на метку – и все.

– Ужас какой... Но почему?

Действительно, почему так изощренно? Почему именно здесь, вокруг клиники Двинятина, в этом районе? Ничего подобного в других районах города пока не происходило.

Ответа на этот вопрос не было...

Но не только проблема отравлений волновала Двинятина. Несколько дней назад Андрей получил по электронной почте письмо из Всемирного фонда дикой природы. В письме говорилось, что фонд собирает экспедицию специалистов: ветеринаров, биологов, экологов и других для изучения редчайшего вида животных, а именно – панд. По прогнозам фонда, через три поколения дикие панды, неофициальный символ Китая и официальный – Всемирного фонда дикой природы, могут полностью исчезнуть с лица земли. Целью экспедиции является исследование уникального китайского заповедника «Вулонг», что в провинции Сычуань. Там ведется плодотворная работа с пандами, популяция которых за последние сорок лет увеличилась в три раза. Но этого мало, Всемирный фонд дикой природы желает знать, насколько заявления китайских властей соответствуют действительности. Господин Двинятин А. В., как специалист с именем в международной ветеринарной сфере, приглашается в составе группы ученых-практиков. Оплата перелета, проживание, питание за счет приглашающей стороны. И гонорар. Сумма его была такой, что Двинятин поначалу даже опешил. За месяц работы получить такие деньги!

Впрочем, не деньги привлекали Андрея к этой экспедиции. Изучать панд – да ведь это мечта любого биолога и ветеринара, который любит и умеет обращаться не только с домашними, но и с дикими животными. Это просто настоящее везение!

Действительно, бамбуковые мишки оказались на грани вымирания. Милые, ленивые, медлительные и обаятельные, словно плюшевые игрушки, панды только и могут рассчитывать на помощь человека. Но из-за вырубки лесов и развития инфраструктуры сильно уменьшилась площадь бамбуковых рощ. А панды, и так не отличающиеся плодовитостью и сексуальной активностью, в условиях дефицита основной своей еды – молодых побегов бамбука – вообще отказываются размножаться.

Словом, решил Андрей, ему невероятно повезло, что его включили в состав экспедиции. Нужно срочно рассказать о письме Вере, поделиться с ней радостной новостью и подсобрать побольше материала про панд. Обязательно зайти к сокурснику Сергею Никитину, ведь он ветврач зоопарка, наверняка он что-то знает о пандах...

«Стоп! – скомандовал себе Двинятин. – С чего ты взял, что Вера обрадуется твоему отъезду в Китай? Пусть даже к милейшим и симпатичнейшим созданиям на планете? Ведь за тобой здесь, в родном городе, остается куча несделанной работы, которую никто за тебя не закончит». Как быть с отравителем? Как быть с обустройством дома, куда въехали в самый Новый год, но работы там еще непочатый край? Как быть с совместным с Верой отпуском, если он использует свой отпуск на экспедицию? Поймет ли она все это?

Пока Двинятин мучился неопределенностью, его любимая женщина Вера Лученко разместила на мягком ковре на полу, перед журнальным столиком. Сидела она в позе участ-

ника японского чаепития, а занималась любимым делом – шитьем. Это было замечательное хобби. Благодаря ему она всегда была одета стильно и неповторимо. Это сильно экономило семейный бюджет, а еще шитье помогало тому сосредоточению, в результате которого рождались ответы на всевозможные шарады жизни. Причем шарады эти приходилось разгадывать довольно часто.

Вот и теперь Лученко, наблюдая за своим гражданским мужем Двинятиным, понимала: он опять чем-то озабочен, но делиться с ней своими тревогами не спешит. «Что ж! – думала женщина. – Я и сама докопаюсь до ответа на вопрос, хотя этот фокус уже становится однообразным...»

Сейчас она украшала скромный трикотажный пуловер яркими пайетками в виде стрекоз. Нужно было сделать вещь нарядной. Пока руки пришивали насекомых, мысли собирали в логическую цепочку случайные впечатления.

Итак, первое: на ноутбуке Андрея поменялась заставка рабочего стола. Еще недавно, неделю тому назад, в разгар волны отравлений, на рабочем столе ноута была размещена грустная морда лабрадора. Сейчас вместо псины – две играющие панды. В любом другом случае психотерапевт и мисс Марпл отечественного разлива и бровью бы не повела, но... Вера досконально изучила привычки любимого. На его рабочем столе всегда появлялась картинка того, чем он в данный момент был озабочен. Когда поздней весной Двинятин ставил на компьютер изображение моря и яхты на фоне песчаного берега, можно было со сто процентной уверенностью сказать: Андрей мечтает об отпуске. Итак, считаем доказанным – он думает о пандах.

Второе. Тоже неслучайное обстоятельство: он взял для работы англо-русский словарь. Андрей хорошо владел английским, поскольку даже стажировался как ветеринар в Йоркшире. Устная речь и чтение текстов англоязычных друзей не требовали от него скрупулезной сверки по словарю. Стало быть, он пишет ответ на присланное ему официальное письмо. Кто ему написал? Тот, кто ему написал, имеет отношение к пандам. Ну, это мы сейчас посмотрим в Яндексе... Вера отвлеклась от пришивания блесток на пару минут, посмотрела в поисковике и удовлетворенно вздохнула. Письмо он получил от Всемирного фонда дикой природы, чей логотип – панда. И ответ он пишет именно в этот фонд.

Третье. Почему, получив письмо от такой уважаемой организации, Двинятин не бросился весело и вприпрыжку хвастаться тем, что они ему написали? Сам факт письма, исходя из характера Андрея, должен быть ему приятен, и он сразу же поторопился бы разделить свою радость с ней. Однако нет, не торопится. Ведь совершенно понятно, не каждому киевскому ветеринару пишут письма из такой организации. Отчего же он пока не решается рассказать ей о письме? А потому, что они приглашают его в экспедицию, а он знает, что она не любит его внезапных отъездов в непонятные экспедиции. Поэтому ветеринар и молчит, как партизан. И по-партизански, втихоря пишет им ответ!

Стрекозы были уже почти готовы, и на черно-алом трикотажном фоне они уже вот-вот могли начать трепетать крылышками.

Четвертое. Куда его зовут в экспедицию? Тут есть две подсказки: Интернет и ее наблюдательность. Наблюдательность говорит, что он купил себе зеленый чай. Из молодых побегов бамбука. Китайский, между прочим. А Яндекс подсказывает... Самая большая популяция панд у нас в Китае где? Правильно, в провинции Сычуань.

«Милый, милый Двинятин! Как же ты сейчас поперхнешься своим зеленым чаем, когда я раскрою все твои смешные секретики!»

– Андрюша! – сказала женщина тихим бархатным голосом и сделала многозначительную паузу.

Он обернулся к ней от экрана.

– Что?

Весь его вид говорил о крайней погруженности в проблему.

– Милый, как ты думаешь, в провинции Сычуань в апреле-мае такая же погода, как у нас? Нет, наверное, все-таки прохладнее. Хотя, цитирую, «горы служат защитой от холодных северных ветров, а влажный и теплый климат высокогорья является идеальным для произрастания бамбука». Но все-таки советую тебе взять куртку на подстежке. – Вера изобразила безмятежное личико с прозрачными круглыми глазками и хлопающими ресничками.

Наградой ей было обалдевшее, с приоткрытым ртом выражение лица Андрея. Придя в себя, он воскликнул:

– Ты читала мою почту?!

Она подняла бровь. Вера Лученко никогда не читала чужую почту, и он это прекрасно знал.

– Извини... – Двинятин ошарашенно смотрел на нее и не мог понять. – Как ты узнала?

Все-таки как просто его удивить! Как и тогда, с проблемой отравлений. А он до сих пор не верит.

– Не скажу, – старательно надула губки женщина, поскольку сразу объяснять не собиралась. Желательно было бы любименького немножечко помучить! Иначе он еще вообразит, что это так просто. Складывать два и два, это ведь уметь надо! И надо ценить, если кто-то маленький, хорошенький, симпатичненький такой, живущий рядом с тобой, умеет это делать! Тогда ты живешь нескучной, яркой жизнью и временами испытываешь этакие легкие потрясения.

– Проси, чего хочешь! – встал перед ней на колени Двинятин, а рядом с ним мгновенно очутился белоснежный красавец спаниель Пай. Песик беспокойно смотрел то на маму Веру, то на папу Андрея: какое задание даст она двум мужчинам? И выполнимо ли оно?

– Сбитень хочу! – заявила непредсказуемая женщина.

– А это что за зверь такой?

– Это не зверь, а напиток, очень вкусный. Древних славян, во как! У нас, кстати, для него все ингредиенты есть.

– Так давай же варить его скорей.

Двинятин тут же метнулся к кухонному блоку и быстро надел красный в клетку фартук. Вера достала все необходимые продукты: процедила литр воды в фильтре, нашла баночку гречишного меда, из специй взяла две гвоздики, щепотку корицы, пару горошин черного перца, кусочек имбиря, капсулу кардамона, одну звездочку бадьяна. Добавила в кастрюльку пол-литра гранатового сока и поставила все это на маленький огонь.

Пока они ожидали, когда проварится сбитень, Вера засекала время, Андрей же, ясное дело, пытался вывести «тайну провинции Сычуань» – так он назвал умение разгадывать его секреты, но... Любимая сказала, что расскажет только во время питья сбитня. А пока сбитень готовился и источал прекрасный пряный аромат, хозяйка дома провела ликбез мужчине и собаке о том, что такое сбитень.

– Сбитень, чтоб ты знал, – старинный славянский напиток, который варили на меду с добавлением пряностей и целебных трав. Пили сбитень горячим, особенно в холодные зимние дни, вот как сейчас, хотя сейчас по календарю как бы весна, но ночи по-прежнему холодные! В любом случае сбитень хорош как согревающее и противовоспалительное средство, при простуде и для профилактики. Часто добавляли зверобой, лавровый лист, шалфей, имбирь, перец.

– Мы лавровый лист не хотим. Нам тогда будет казаться, что мы жаркое едим, а не пьем вкусный напиток, – сообщил Андрей, беря Пая в сотоварищи и смешно копируя его манеру чесать за ухом.

Вера прыснула от смеха. Ее всегда забавляло то, как артистично он изображал разных животных.

– Слово «сбитень», кстати, происходит от глагола «сбивать», то есть смешивать. Компоненты готовят в отдельных сосудах: в одном варят мед, в другом пряности, а перед употреблением смешивают.

– А почему ты все вместе варишь?

– У меня свой рецепт. Не бойсь, будет вкусно! Общая технология приготовления сбитня – растворить в кипятке мед, добавить пряности и травы. Варить четверть часа, снимая пену, затем дать настояться полчаса-час и перед употреблением подогреть. Прошу к столу, готово! – весело предложила Вера, разливая себе и Андрею сбитень в две одинаковые керамические кружки.

Они чокнулись ароматным напитком, и Вера сказала:

– Если не баловать женщину, она начинает баловаться сама!

– Это ты про что? – удивился Андрей.

– В моем случае – про все, – усмехнулась Вера и рассказала ему, как угадала про панд.

Реакция Андрея была предсказуемой. Он был подобен Ватсону, который до объяснений Холмса считал его чуть ли не величайшим умом планеты, а после разъяснений говорил: «Так просто!» Вот и Андрей Двинятин после честных объяснений своей любимой констатировал:

– Боже, как все просто!

Вера подавила вздох разочарования. Ей часто приходилось сталкиваться с тем, что люди не способны оценить ее умение складывать из отдельных пазлов стройную картину события.

– Лучше расскажи об экспедиции, о проблемах панд.

Андрей показал письмо и объяснил:

– Это еще только через месяц. Так что не переживай заранее.

– Я и не переживаю.

– Хочешь легенду? – спросил воодушевившийся Двинятин. – На Тибете рассказывают: однажды девочка встретила в лесу белого медвежонка. Они подружились и часто вместе играли. Как-то раз на него напал снежный барс. Девочка бросилась на помощь другу и погибла. На ее похороны все панды пришли в черных ботиночках и черных перчатках. Оплакивая девочку, они терли лапками глаза, хватались за голову. Поэтому уши у панд окрасились в черный цвет, а под глазами появились черные круги.

– Красивая легенда, – сказала Вера задумчиво.

О том, что сама была бы не прочь съездить в Китай и повидать панд, она промолчала.

5

Галерея кукол «Щелкунчик»

В бывшей подворотне старого доходного дома девятнадцатого века находилась галерея кукол «Щелкунчик». Была она длинная, двухэтажная, кирпичные своды и стены выкрашены в белый цвет. Полы покрыты ламинатом, специальное галерейное освещение и стеклянные полки – вот и все убранство. Миссию оживления холодного пространства взяли на себя куклы. Конечно же, при входе, в витрине, на белой дорической колонне красовалась главная реликвия – деревянная кукла-щелкунчик, с которой и началась более тридцати лет назад эта коллекция.

Щелкунчику уже больше трехсот лет. Хозяину галереи его привез из Германии в подарок отец, тогда будущему галерейщику было лет восемь. Щелкунчик, которого всякий знает благодаря Петру Ильичу Чайковскому, представлял собой механическую куклу – смешного солдата с большим ртом, завитой бородой и косичкой сзади. Вообще-то практичные немцы имели в виду исключительно функциональный смысл. В рот вкладывался орех, держалась косичка, челюсти смыкались – хрусть! – и орех расколот. Отец будущего владельца галереи не случайно привез в подарок сыну именно эту игрушку, а не банальную машинку или пистолет. В его понимании Щелкунчик символизировал силу и должен был принести удачу.

Конечно, в наше время такой куклой никого не удивишь. Сегодня Щелкунчик – один из традиционных немецких подарков на Рождество, их делают в многочисленных мастерских по всей Германии. Единственное условие, оставшееся в наследство от старых мастеров, – ручное изготовление с невероятным вниманием к деталям и качеству.

Однако этот, украшавший собой витрину кукольной галереи, был особенным. И хотя имел почтенный возраст, выглядел отменно. Только эксперт мог определить, что кукла старинной работы. Свежеотреставрированный Щелкунчик, в ярком изящном мундирчике солдата, блестящий от лака, в треуголке, с сабелькой, производил на всех прохожих приятное впечатление. Мамы с детьми часто останавливались перед Щелкунчиком, а затем заходили в галерею.

В какое же удивительное место они попадали! Мир великих кукольных мастеров завораживал своей многоликостью. Вот целая детская площадка всемирно известной Хильдегард Гюнцель. Мастерница создает не просто кукол, а воплощенную мечту. Нельзя оторвать глаз от этих – довольно крупных, видимо, созданных не для игры, – кукольных персонажей. Личики их, с бархатистой поверхностью кожи, с натуральными волосами и необычайно выразительными глазами, изготовлены немецкими стеклодувами со всей тщательностью, на которую только способны немцы. Кукольные лица расписываются лично Хильдегард с нежной любовью к кукольному народцу. Куклы гипнотизируют. Словно настоящие детишки, не возражают, если вы прижмете их к груди. Когда посетитель осваивается, он понимает: эти куклы вовсе не предназначены для игр. Скорее, ими можно заполнять пустое пространство дома или души.

Именно в тот момент, когда Вера Лученко и Валентин Прудников рассматривали кукол, появился хозяин галереи и любезно предложил себя в качестве гида по экспозиции. Однако майор милиции не интересовался миром прекрасных кукольных персонажей, он был настроен по-деловому. Представил себя и Лученко как работников милиции, сунул на секунду под нос галеристу удостоверение и перешел к делу. Кукольных дел мастер внимательно выслушал Прудникова, а затем протянул обоим гостям свою визитку. На ней значи-

лось: «Галерея кукол “Щелкунчик”, генеральный директор – Сафоненко Авангард Леонтьевич».

Галерист был мужчина под сорок, внешне очень похожий на известного художника Никаса Сафронова. Длинные прямые волосы доходили до начала шеи и напоминали бы причёску пажа, если бы не были подкрашены в слишком темный, неестественный цвет, за которым их владелец прятал раннюю седину. Характерным движением он отбрасывал волосы, падавшие на лицо, или изящными пальцами, точно гребнем, проводил по волосам от корней к кончикам.

Вере, внимательной к деталям, показался странным статус «генерального директора» кукольной галереи, находившейся в подворотне, и она спросила:

– Авангард Леонтьевич, генеральный директор – это...

Она не успела сформулировать свой вопрос, как Сафоненко с улыбкой ответил:

– У меня сеть кукольных галерей по всей Европе. В Праге, Амстердаме, Берлине. Поэтому генеральный. Там, на местах, есть наемные директора. А по вашему вопросу...

Галерист в задумчивости провел пальцами по волосам.

– Для того чтобы понять, почему убийца наряжает свои жертвы в кукольные костюмы, нужно для начала увидеть сами костюмы.

Прудников расстегнул «молнию» на папке и показал Сафоненко несколько фотографий. Тот побледнел, брезгливо поморщился и, вздохнув, покачал головой:

– Вы не сможете раскрыть преступление, пока не постигнете это искусство. Нужно погрузиться в мир кукол!

Майор умоляющим взглядом посмотрел на Веру. Ему некогда было «погружаться». Его ждала гора дел, которая норовила вот-вот завалить Валентина Викторовича Прудникова выше головы. И вообще... Эти фарфоровые мордашки, эти рюшки и оборки – бабское все это. Пусть этим занимается Лученко, ей все это явно нравится, стало быть – ей и карты в руки. Пусть консультируется у этого «никаса сафронова» киевского разлива.

Вера только мельком глянула на майора и сразу поняла ход его мыслей. Это ведь она привела его сюда. Неделью назад Валентин попросил ее стать консультантом по серии странных убийств. Она долго колебалась, так как пообещала себе в сотый раз: «Больше никаких расследований, никакого геройства!» Однако не выдержала. Жизнь без приключений и интересных загадок становилась пресной...

Поскольку дела нельзя выносить из следственной части, ей пришлось день за днем приезжать к Прудникову на работу, изучать материалы. Через несколько дней она сказала:

– Валя, боюсь, я не смогу тебе помочь.

– Почему? – расстроился Прудников.

– Во-первых, по двум случаям трудно делать определенные выводы. Это звучит немного цинично, но статистики нужно больше, а я так понимаю, что ничего подобного до сих пор не происходило.

– Ну, допустим...

– И во-вторых, я не нахожу в материалах характерных признаков маньяка. Никаких зацепок. В его действиях не хватает некоторых специальных составляющих.

– Может, именно потому, что статистики мало?

– Может быть. Но... Если это не маньяк?

– А кто же? – глупо спросил майор.

Вера пожала плечами.

– Есть еще один вариант: я в этом случае оказалась недостаточно компетентна как психиатр.

Валентин удивился, как легко она это заявила. Не боится быть некомпетентной, не боится ошибаться... Вот бы ему так!

– И все-таки подробнее. Мне же надо что-то докладывать генералу об этом сумасшедшем.

– Ну, есть некоторые нюансы. Например, это вовсе не обязательно невменяемый человек. Как дипломированный психиатр, я тебе точно могу сказать: лишь один, от силы два маньяка из сотни невменяемы. Причина маниакальности может быть в изменениях, которые происходят в головном мозге, в смещении центров, отвечающих за сексуальность и агрессию. И не только. Если это первые убийства для него, то он еще не полностью сделался маньяком, он на полпути, понимаешь? Что-то заставляет его быть чудовищем и отнимать чужие жизни, но что-то в нем пока еще сопротивляется. Такое тоже возможно.

Прудников был заметно раздосадован. Тогда Вера Лученко предложила:

– Давай обратимся за помощью к моему старому учителю, профессору Тужилову. Он гениальный психиатр. Правда, теперь живет в Санкт-Петербурге.

Прудников отреагировал вяло:

– Не годится, пожалуй. Вряд ли нам разрешат «выносить сор из избы», то есть привлечь специалиста из России.

Они помолчали.

– Попробуем с другой стороны? Убийца гримирует жертв как кукол, значит, следует найти специалиста в кукольном деле, поговорить, вдруг мелькнет какая-то мысль.

Они с Прудниковым встречались с различными культурологами и искусствоведами, но все без толку. Тут Вера вспомнила, что зимой была с подругами в галерее кукол и ей там очень понравилось. Вот так они с Валентином и попали в галерею «Щелкунчик».

Майор Прудников не очень верил в идею с изучением кукол для того, чтобы лучше понять убийцу. У него была версия более перспективная: стриптиз-клуб. Торопясь вернуться к этой версии, он сказал извиняющимся тоном хозяину галереи и Лученко:

– Увы, мне нужно бежать, дела. Оставляю беседовать Веру Алексеевну, она у нас большая любительница кукол и всякого такого.

– Секундочку, – сказала Вера и отвела майора в сторону. – Отпускаю тебя на полчаса, от силы час. Это не мое, а твое дело! Так что давай, туда и обратно.

– Ну ладно...

– Простите, у вас какое звание? – неожиданно обратился к Лученко галерист.

– Она у нас полковник! – не моргнув глазом, соврал Прудников и добавил совершенно искренне: – Ей бы не в милиции, ей бы армией командовать... В самый раз! – Он пожал ошеломленному Сафонову руку и направился к выходу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.